

М.В. Шкаровский

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ ЗАГРАНИЦЕЙ И ЕЕ ОБЩИНЫ В ЮГОСЛАВИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена деятельности руководящих органов Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) и истории русских церковных общин в Югославии в годы Второй мировой войны. В апреле 1941 г. Югославия была оккупирована войсками нацистской Германии и ее союзников, и общины РПЦЗ в этой стране стали претерпевать различные стеснения в своей деятельности. В среде русской эмиграции произошел раскол: часть паствы РПЦЗ вступила в различные антикоммунистические формирования, прежде всего — в Русский корпус, другая часть демонстрировала негативное отношение к фашистам. Священноначалие РПЦЗ старалось занимать в целом нейтральную позицию, пытаясь принимать активное участие в религиозном возрождении на оккупированной территории СССР, однако немецкие власти не пустили русских эмигрантских священнослужителей на Родину. Осенью 1944 г., ввиду приближения советских войск, Архиерейский Синод эвакуировался в Германию, где оставался до конца войны.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь Заграницей, церковная эмиграция, Югославия, Вторая мировая война, Германия.

К началу Второй мировой войны численность русской эмиграции в Югославии сократилась до 26–30 тыс. человек (в том числе около 10 тыс. проживали в Белграде), однако эта страна продолжала оставаться центром деятельности Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), руководящим органам которой вскоре пришлось испытать на себе особенности и изменения религиозной политики III рейха.

На территории Германии в 1930-е гг. русские эмигранты составляли большую часть всех православных, и греки, болгары, сербы, румыны зачастую входили в русские приходы. Поэтому образованное в 1935 г. Рейхсминистерство церковных дел (РКМ) свою политику определенного покровительства РПЦЗ не случайно связывало с достижением влияния на Православные Церкви Балкан. Так, 9 июля 1938 г. рейхсминистр Г. Керл писал в Счетную палату по вопросу пособия при строительстве православного собора в Берлине: «Кроме прочего поддержка Русской Православной Церкви будет благоприятно влиять на

Михаил Витальевич Шкаровский — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии, ведущий научный сотрудник Государственного архива Санкт-Петербурга (shkarovs@mail.ru).

отношения Германского рейха с государствами Юго-Востока (Болгарией, Румынией, Югославией), в которых Церковь играет большую роль в политической жизни. Может быть в результате поддержки Русской Православной Церкви в Германии эти государства войдут в общий антибольшевистский фронт во главе с Третьим рейхом»¹.

Однако более влиятельные внешнеполитические нацистские ведомства считали, что русское Православие находится под влиянием враждебных Германии стран Запада, а РПЦЗ также является активным проводником чуждой русской националистической и монархической идеологии и к тому же тесно связана с врагом рейха Сербским Патриархом Гавриилом. В записи к аресту Патриарха от 11 июня 1941 г., сделанной Внешнеполитической службой национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), говорилось: «В Сремских Карловцах находится Синод бежавших из России епископов. Этот Синод является выразителем реакционных течений Русской Православной Церкви... В 1938 г. в Сремских Карловцах состоялся конгресс представителей всех Греко-Православных Церквей из всех стран. На этом конгрессе был объявлен манифест, провозгласивший великого князя Владимира русским царем»². В этой записи даже присутствует заметное преувеличение — в Русском Всезаграничном Церковном Соборе 1938 г. участвовали лишь представители русской церковной эмиграции, да и то не всей.

Еще более жесткую позицию по отношению к РПЦЗ занимали руководство НСДАП, Главное управление имперской безопасности (РСХА) и Рейхсминистерство занятых восточных территорий (РМО). После начала войны с СССР их линия полностью возобладала и проявилась открыто и ярко. Почти во всех директивах второй половины 1941 г. о церковной политике на Востоке говорилось о категорическом недопущении священников из других стран на занятую территорию СССР. Впервые эта фраза присутствовала в «Указаниях военным организациям об отношениях в религиозном вопросе» от 3 августа 1941 г., разработанных РМО: «Въезд из эмиграции в занятые области или послания церковных организаций из других стран запрещены»³. Потом соответствующее указание было повторено в изданных на основе июльских директив А. Гитлера прика-

¹Bundesarchiv Berlin (BA), R2/5023, Bl. 23–24.

²Ibid. NS43/35, Bl. 62.

³Ibid. R6/177, Bl. 9.

зе Верховного командования вермахта от 6 августа 1941 г., приказе шефа РСХА Р. Гейдриха от 16 августа и др.⁴

Некоторые причины негативного отношения Восточного министерства к РПЦЗ были изложены в докладной записке главного отдела политики о нежелательной активности русских монархистов от 17 июня 1942 г.: «Работа легитимистов также распространяется на Русскую Православную Церковь, которая особенно восприимчива к этому... В поле зрения мировой общественности Русская Синодальная Церковь вошла во время нынешней войны благодаря личности поддерживающего ее Сербского Патриарха Гавриила, который находился в тесной связи с русскими легитимистами в Югославии и был арестован как сербский преследователь [Германии] после вступления немецких войск в Югославию»⁵.

Вероятно, в случае победы III рейха во Второй мировой войне РПЦЗ ждала бы трагическая судьба. Так, в сообщении полиции безопасности и СД от 2 февраля 1942 г. говорилось, что после конца большевизма «карловацкий вопрос» должен быть как-нибудь разрешен, так как нельзя допустить возобновления старорусских теократических устремлений, подобных существовавшим в царское время⁶.

Значительная часть русских священнослужителей-эмигрантов считала, что обновление и возрождение России должно происходить под духовным предводительством Православной Церкви. Это подразумевало и ее особую роль в борьбе против коммунистического режима, в 1930-е гг. особенно активно искоренявшего религию в СССР. В своем Рождественском послании 1939 г. Первоиерарх РПЦЗ митрополит Анастасий (Грибановский) указывал, что «ничто не нужно в такой степени для нас ныне перед лицом грядущих решительных событий, как тесное единение всех наших национальных сил, сосредоточенных на одной священной мысли — низвержении большевизма и возрождении России. К этому не перестает нас звать наша Матерь Церковь, исконная собирательница и печальница Русской земли, ...к этому зовет нас и Сам Христос Спаситель»⁷.

Начало Второй мировой войны пробудило надежды части эмиграции на возможность падения советской власти, и эти надежды связывались, прежде всего, с пробуждением духовных сил собственного народа. В обращении митрополита Анастасия и представителей русских национальных организаций в Юго-

⁴Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 500. Оп. 5. Д. 3. Л. 62–65.

⁵Institut für Zeitgeschichte München (IfZ), MA246, Bl. 676–677.

⁶ВА. R58/220, Bl. 279.

⁷Церковная жизнь. 1939. № 1–2. С. 1–2.

славии к великому князю Владимиру Кирилловичу от 3 сентября 1939 г. говорилось: «Начавшаяся жестокая война может выдвинуть вопрос о судьбе русского народа, о судьбе нашей пострадавшей Родины... Ход развертывающихся событий будет нас держать в наивысшем напряжении, и русская эмиграция за рубежом не имеет права не пользоваться могущим представиться случаем, чтобы подвинуть дорогое нам русское национальное дело. Мы можем и должны рассчитывать на самих себя, и на те народные силы «там», которые сохранили в душах своих чувство любви ко всему родному и русскому»⁸. При этом всякая возможность компромиссов с советской властью во имя решения исторических задач России категорически отвергалась. Власть коммунистов представлялась абсолютным злом, хуже которого быть уже не может.

В другом своем обращении от 15 сентября 1939 г. владыка Анастасий писал: «Да спасет только Господь нас от насилия этой власти, и тогда Россия обретет в себе силу, чтобы восстановить свое державное могущество и занять снова достойное ее место среди других народов мира. Преодолеть соблазн возрастающего большевизма и его мнимого служения историческим задачам России значит совершить новый подвиг, к которому Бог призывает русский народ в эти грозные дни. Война есть огонь поядующий и очищающий в одно и то же время, и быть может самому большевизму, ставшему угрозой для всей Европы, суждено сгореть в этом пламени, который он так старательно разжигает ныне повсюду»⁹. С такими чаяниями, надеждой и самосознанием подошла русская правая церковная эмиграция к началу войны Германии с СССР.

Вспыхнувшие в сентябре 1939 г. в Европе боевые действия не сразу отразились на деятельности Архиерейского Синода РПЦЗ. Югославия еще больше года оставалась нейтральным государством, однако, постепенно появились трудности в связи с епархиями на территории воюющих стран. Митрополит Анастасий опасался более серьезных осложнений в ближайшем будущем и написал письмо протопресвитеру Сергию Орлову в Женеву, спрашивая его о возможности переноса церковного центра в Швейцарию, чтобы оказаться вне сражающихся сил. Это письмо было перехвачено гестапо, воспринявшим владыку с большим подозрением¹⁰. Некоторые церковные люди также предполагали, что

⁸ *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1995. С. 38.

⁹ См.: *Церковная жизнь.* 1939. № 9–10.

¹⁰ *Григорий (Габбе), еп.* Завет святого патриарха. М., 1996. С. 55, 323.

Первоиерарх РПЦЗ удалится в Палестину ввиду возможных репрессий со стороны немцев. Однако этого переезд тоже не состоялся.

Германская оккупация ряда европейских стран не только затруднила связи местных общин РПЦЗ с Архиерейским Синодом в Югославии, но и сделала невозможным прежнюю финансовую помощь им со стороны Сербской Патриархии. Так, например, митрополит Западно-Европейский Серафим (Лукьянов) писал 30 сентября 1940 г. из Парижа владыке Анастасию (Грибановскому): «Иза перерывов почтовых связей, вызванных войной, не получил пособия от Сербской Православной Церкви... что естественно крайне ухудшило мое материальное положение... Ввиду отсутствия средств я не имею возможности уплатить за свою скромную квартиру, состоящую всего из одной комнаты и кухни»¹¹.

На антигерманский переворот в Югославии 27 марта 1941 г. руководство РПЦЗ и русской эмиграции в стране отреагировали положительно. Митрополит Анастасий и глава Делегации по защите интересов русских беженцев В.Н. Штрандтман сразу же послали пришедшему к власти югославскому королю Петру II поздравительную телеграмму, в которой писали: «Вознеся молитвы в Русской церкви о здравии и благоденствии Вашего Величества по случаю принятия полноты Королевской Власти, русская эмиграция приносит свои поздравления и горячие пожелания счастливого и долгого Царствования под Сенью Всевышнего Господа на благо народа, на его процветание и славу, достойное его героического прошлого. Одушевленные чувствами глубокой благодарности за оказанное нам братское гостеприимство в години нашего величайшего национального горя, мы просим Ваше Величество принять выражение безграничной преданности Русской эмиграции и ее стойкой верности и в будущем заветам наших предков». В этом обращении не было политической оценки переворота, но позднее немецкие оккупационные власти учли его в неблагоприятном для митрополита и В.Н. Штрандтмана смысле¹².

6–7 апреля 1941 г. Белград оказался подвергнут неожиданной ожесточенной бомбардировке, от которой погибли свыше 17 тыс. жителей. В огне пожаров пострадали здания Сербской Патриархии, Народной библиотеки и Института имени Н.П. Кондакова (погибли его секретарь Д.А. Расовский вместе с супругой). Сильно пострадало и помещение Синодальной канцелярии на Молеровой ул., в связи с чем ей пришлось переехать в одно из зданий бывшей Российской миссии на ул. Короля Милана, д. 12, куда перевезли и чудом уцелевший архив

¹¹Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6343. Оп. 1. Д. 283. Л. 19.

¹²*Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966. С. 257–258.

Архиерейского Синода. Всего при немецкой бомбардировке города было убито или ранено около 50 русских эмигрантов. В эти дни русские священники, в промежутках между налетами, самоотверженно ходили со Св. Дарами по городу, утешая прихожан, напутствуя раненых и умирающих, совершая молебные пения по убежищам и отпевая умерших¹³.

Вблизи русской церкви Пресвятой Троицы упало пять бомб, с одной ее стороны сгорел соседний сербский храм св. Марка, с другой — было разрушено здание Министерства почт и телеграфов, у самой церковной стены двое суток пылал гигантский костер из зажженного бомбой склада бревен, но в ней непрерывно шла служба. Уже утром 6 апреля в храме совершили богослужение игумен Аверкий (Таушев), протоиереи Иоанн Сокаль, Георгий Флоровский и Сергей Ноаров, а после окончания литургии митрополит Анастасий совершил крестный ход с чудотворной Курской-Коренной иконой Божией Матери «Знамение». На следующий день в праздник Благовещения, когда происходила особенно сильная бомбардировка, в Троицкой церкви служили отцы И. Сокаль, Сергей Ноаров и Георгий Флоровский, добровольными певчими управлял протоирей Владислав Неклюдов, а на полиелей вышел владыка Анастасий. Игумен Аверкий в этот день совершил богослужение на Мокром Лугу (предместье Белграда), где скопилось много русских беженцев, протоирей Виталий Тарасьев — в Иверской часовне на Новом кладбище, а прот. Георгий Флоровский — и в церкви Русского дома для учащихся русских гимназий, где он состоял законоучителем¹⁴.

Митрополит Анастасий также вскоре перешел в Русский дом и там присутствовал на литургии, которую служил в подвале здания один из священников для множества укрывавшихся там русских людей. Эта литургия, совершенная в обстановке, напоминавшей катакомбы древних христиан, на всю жизнь запечатлелась в памяти у тех, кто на ней причащались. А причащались, по благословению митрополита, все — до 300 человек после общей исповеди ввиду явно грозившей смертельной опасности. Затем владыка переехал в пригород Белграда Земун, где оставался некоторое время в непрестанной молитве и самом строгом посте, в Великий Четверг он вернулся в Белград и снова начал служить в Троицкой церкви. Вечерние службы, по обстоятельствам военного времени, заканчивались до 19 часов, а Пасхальная заутреня в Светлое Воскресенье нача-

¹³ Церковная жизнь. 1941. № 3–12. С. 34; Церковное обозрение. 1941. № 4–6. С. 1; Русская Православная Церковь Заграницей 1918–1968. Т. 1. Иерусалим, 1968. С. 284.

¹⁴ *Чепиго Е.* Чудеса Курской иконы Знамения // Православная Русь. 1947. № 5. С. 13–14.

лась в 6 часов утра. Очевидец этих событий В. Маевский позднее вспоминал: «Следует отметить, что все русские священнослужители, во главе со своим архипастырем и о. настоятелем храма, проявили в эти дни незаурядное мужество и полную готовность служить ближнему самоотверженно и бескорыстно, ни на момент не забывая своего пастырского долга. Так же были совершены богослужения и в остальные дни шестой недели великого поста»¹⁵.

В журнале «Церковное обозрение» так описывалось поведение русских белградцев во вторую неделю апреля: «Горячо молились в эти дни русские люди, испытавшие новый перелом в своей жизни. Иных не было с нами — они ушли по призыву своего нового отечества в армию, и судьба их тревожила родню. Другие лежали раненые по домам и больницам, а некоторые остались под развалинами домов. Спасенные от смерти в эти дни спешили в храм Божий и к чудотворному образу Божией Матери принести слезы горячей благодарности за спасение»¹⁶.

Сразу же после нападения агрессоров на Югославию русские эмигранты в лице митрополита Анастасия и главы Делегации по защите интересов русских беженцев В.Н. Штрандтмана выразили властям страны уверения в «безграничной преданности Русской эмиграции и ее стойкой верности и в будущем завещанной... предков». Редакция газеты «Русский голос» призвала соотечественников «если потребуется, выполнить свой долг перед гостеприимно... принявшей [нас] родственной страной»¹⁷.

Многие русские эмигранты действительно вступили в ряды югославской армии, однако война продлилась недолго. Остатки разбитой армии были взяты в плен и заключены в лагеря на территории Германии. Здесь оказалось и несколько церковнослужителей РПЦЗ. Так, например, чтец белградской Свято-Троицкой церкви, будущий протоиерей Игорь Иванович Троянов провел в немецком плену 14 месяцев и лишь затем по болезни был отпущен в Белград¹⁸. Известный русский архитектор, построивший в Югославии несколько храмов, профессор Белградского университета Петр Дмитриевич Анагности, попав в немецкий плен, был заключен в концлагерь, откуда его освободили только союзные войска в 1945 г.

¹⁵ *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 262.

¹⁶ Пасха в оккупации // *Церковное обозрение.* 1941. № 4–6. С. 1.

¹⁷ *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // *Славяноведение.* 2006. № 4. С. 45.

¹⁸ *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002. С. 58–59.

12 апреля 1941 г., в Лазареву субботу, в разгромленную столицу Югославии вошли части вермахта. Почти сразу же последовали репрессии против руководства Сербской Православной Церкви. Патриарх Гавриил, сопровождавший короля Петра вместе с отступавшими войсками до границы страны, был арестован и заключен под охрану в один из монастырей вблизи Белграда. Русскую эмиграцию также затронули всевозможные стеснения и ограничения со стороны оккупационных властей. Генеральный секретарь Делегации по защите интересов русских беженцев Е.Е. Ковалевский был убит во время бомбардировки, а бывший посол России в Сербии В.Н. Штрандтман арестован гестапо. Его освободили через несколько дней благодаря заступничеству Архиерейского Синода, но от руководства делами эмиграции полностью отстранили — Штрандтман не пользовался доверием немцев, так как был очень близок к англо-французским посольским кругам. Арестовали нацисты и известного ученого, академика П.Б. Струве, преподававшего в филиале Белградского университета в Суботице, после многомесячного заключения в тюрьме он в 1942 г. был освобожден и уехал с семьей в Париж. В церковной литературе упоминаются случаи спасения прихожан белградского храма благодаря чудотворной Курской иконе Знамения от обысков гестапо¹⁹.

В первую очередь от репрессий нацистов пострадали русские эмигранты еврейского происхождения (большинство из них погибло в Баничском лагере вместе с сербскими евреями) и немногочисленные масоны. Кроме того, немцы подвергали арестам тех эмигрантов, которые с симпатией относились к СССР как к своей родине. Гестапо арестовывало с целью проверки даже лиц, просто хотя бы раз в жизни посещавших советское посольство. Порой неосторожный разговор с самыми близкими друзьями мог стать причиной заключения в лагерь. Ряд людей пострадал за невыполнение приказа немецкого командования в Сербии от 27 мая 1941 г. о запрете приема под страхом тюрьмы или даже смертной казни всех радиостанций кроме немецких (некоторые эмигранты осмеливались организовывать групповые прослушивания)²⁰.

В этих условиях руководство РПЦЗ заняло выжидательную позицию. Некоторые очевидцы событий позднее даже писали об ошибочности такой тактики, усугублявшей страдания русских эмигрантов: «...митрополит Анастасий

¹⁹ *Григорий (Габбе), еп.* Завет святого патриарха. С. 324–325, 330–331; Архипастырские послания, слова и речи Высокопреосвященнейшего Митрополита Анастасия, Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Джорданвилль, 1956. С. 18–19; *Чепиго Е.* Чудеса... С. 14.

²⁰ *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции... С. 54–55.

в это ответственное время воздерживался от всякого выступления и пропустил все возможности»²¹.

Впрочем, митрополит Анастасий все же попытался установить контакты с оккупационной администрацией. 30 апреля он доложил на заседании Архиерейского Синода, что в сопровождении Г.П. Граббе посетил командующего германскими войсками в Сербии генерала Фёрстера, и тот заявил, что Синод может беспрепятственно продолжать свою деятельность и об этом посещении он доведет до сведения рейхсминистра церковных дел²².

На следующем заседании Синода 21 июня 1941 г. Первоиерах РПЦЗ доложил, что он в сопровождении Г.П. Граббе и Б.Р. Гершельмана (в качестве переводчика) был принят новым командующим германскими войсками в Сербии генералом Шрёдером в присутствии помощника командующего по гражданской части генерала Турнера. Шрёдер поблагодарил за приветствие и благопожелания и заверил в благожелательном отношении немецких властей к Русской Церкви, однако на вопрос о возможности установления связи Архиерейского Синода с заграничными епархиями ответил отказом, заявив, что вследствие военного времени переписка с заграницей невозможна. Командующий также обещал, что будут приняты все меры для отыскания и возвращения вывезенных из Белграда так называемых «гатчинских святынь» (Филерской иконы Божией Матери, части Животворящего Креста Господня и десницы св. Иоанна Предтечи), но в годы войны они так и не были найдены и переданы РПЦЗ. В заключение встречи Шрёдер сказал, что по текущим вопросам к нему следует обращаться через майора Кисселя²³.

Вскоре после начала оккупации были закрыты практически все русские периодические издания и приостановлена деятельность почти всех эмигрантских общественных организаций как заведомо ненадежных. Впрочем, русские эмигранты сразу же начали новый процесс самоорганизации. Уже 10 апреля 1941 г. состоялось организационное заседание Комитета первой помощи пострадавшим от бомбардировки, а 13 апреля в здании Русского дома имени императора Николая II была открыта бесплатная кухня на средства американского Красного Креста.

²¹ *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 271.

²² Синодальный архив Русской Православной Церкви Заграницей в Нью-Йорке (СА). Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940 – 18.09.1946.

²³ Там же.

В данных условиях немцы решили взять этот процесс под свой контроль. 22 мая 1941 г. приказом командующего германскими вооруженными силами в Сербии было создано «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии» во главе с генерал-майором Михаилом Федоровичем Скородумовым. Состоявшее из шести отделов бюро разместилось в Русском доме и вскоре провело перепись проживавших в Белграде взрослых эмигрантов из России: их оказалось 7020, не считая принявших югославское гражданство²⁴.

По своим взглядам М.Ф. Скородумов был убежденным русским националистом и монархистом. Вскоре после своего назначения он восстановил двуглавого орла на фронтоне здания бывшего российского посольства после выезда из него советских дипломатов, но, впрочем, уже 3 августа по требованию немцев оказался вынужден убрать герб императорской России со своего официального печатного органа газеты «Русский бюллетень». После войны Скородумов вспоминал: «Я был окружен немецкими агентами, которые следили за каждым моим шагом, меня снова вызвали в гестапо и предупредили, что если я позволю себе еще одно высказывание против немцев, то буду смещен с поста начальника Бюро и сильно пострадаю. Затем немецкое командование потребовало снять с печати Бюро русский герб (двуглавого орла) и заменить его свастикой, но я категорически отказался это сделать»²⁵.

Руководство культурно-просветительским отделом (в ведение которого входили и духовные дела) М.Ф. Скородумов поручил ротмистру И.В. Рычкову, который 2 июля в составе особой комиссии произвел осмотр книжного склада бюро. В результате этого осмотра были изъяты и 21 июля публично сожжены во дворе Русского дома 89 произведений литературы (в том числе книги Амфитеатрова «Русский поп 17-го столетия», З. Гиппиус «Св. Тихон Задонский», Д. Мережковского «Иисус Неизвестный»)²⁶.

Кроме того, М.Ф. Скородумов имел давний личный конфликт с митрополитом Анастасием и теперь решил свести с ним счеты. Уже в самом начале своей деятельности он лишил денежного пособия, выплачиваемого ранее Делегацией по защите интересов русских беженцев, не только Первоиерарха РПЦЗ, но и проживавших в Югославии членов Архиерейского Синода — архиепископов Гермогена и Феофана. А 16 июня начальник бюро издал обращение к русским людям, содержащее совершенно неуместные поучения в адрес православных

²⁴ *Тимофеев А.Ю.* Положение... С. 48–51.

²⁵ *Танин С.Ю.* Русский Белград. М., 2009. С. 164–165.

²⁶ *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 273, 282–283.

священнослужителей: «Дабы поднять моральный уровень эмиграции, духовенство должно произносить проповеди и беседы из учения Христа, переведя их на примеры из современной жизни эмиграции, открыто порицая все отрицательное и все пороки эмиграции... Церковь должна подойти ближе к жизни, ближе к эмиграции, а не обслуживать только одну небольшую группу эмигрантов. На церковные требы (крестины, свадьбы, похороны и т.д.) должна быть введена такса; нельзя бедного, но порядочного человека отпевать пять минут за минимальную сумму, а богатого мошенника за крупную сумму, ибо это противно учению Христа. Перед Богом все равны»²⁷.

Епископ Григорий (Граббе) так описывал в своих воспоминаниях деятельность М.Ф. Скородумова, пытавшегося мобилизовать на борьбу и Русскую Православную Церковь Заграницей: «Он был боевым офицером, по-видимому, очень храбрым, который мечтал поднять русскую эмиграцию для участия в борьбе с коммунизмом. В этом отношении он был готов идти вместе с немцами, но одновременно с этим он был и патриотом, который не хотел сдавать немцам никаких позиций. Но надо сказать, что в церковном отношении он понимал очень мало. У нас сразу же возникли с ним столкновения, потому что он написал приказ, который был адресован духовенству. И в этом приказе было сказано, как служить молебны, как служить литургию и вообще давались самые неожиданные указания духовенству, которые, конечно, мы никак не могли принять». По поводу этих требований тогда еще мирянин, правитель дел Архиерейского Синода Г.П. Граббе имел «неприятный разговор» в гестапо, где заявил, что Церковь никаким распоряжениям, издаваемым людьми, не имеющими к ней отношения, подчиняться не будет²⁸.

12 сентября 1941 г., неожиданно для германского командования, генерал М.Ф. Скородумов отдал приказ о формировании отдельного Русского корпуса, который заканчивался словами: «С Божьей помощью, при общем единодушии и, выполнив наш долг в отношении приютившей нас страны, я приведу вас в Россию»²⁹. Позднее Скородумов вспоминал: «В это время от частных лиц я получил устное предупреждение о том, что, как только будет отдан приказ о формировании корпуса, я буду немедленно арестован немецким посольством... После отдания этого приказа работа по формированию корпуса шла еще два дня, но 14 сентября меня пригласили в гестапо и действительно арестовали, так как

²⁷ Там же. С. 274, 277.

²⁸ Григорий (Граббе), еп. Завет святого патриарха. С. 325.

²⁹ Танин С.Ю. Русский Белград. С. 164.

немецкое посольство сообщило по радио: «В Белграде русский генерал Скородумов сформировал национальное правительство, формирует армию, и даже назначил командующего флотом». В Берлине начался переполох, и по радио последовал приказ: «Немедленно арестовать генерала, правительство и армию разогнать, начальника штаба полковника Кевиша и офицеров гестапо сместить». Розенберг будто требовал даже повесить меня (все эти сведения мне сообщили в гестапо после моего ареста)»³⁰.

Таким образом, уже 14 сентября М.Ф. Скородумов был временно арестован, назначенных им руководителей отделов бюро немцы сместили с постов и вместо них поставили более лояльных людей. Начальником бюро стал российский генерал-майор Владимир Викторович фон Крейтер (1888–1950), имевший немецких родственников и хорошо говоривший по-немецки. По воспоминаниям эмигрантов он «был очень порядочный... и мужественный человек, так как совершал те поступки, которые могли заинтересовать Гестапо и серьезно его скомпрометировать в глазах властей»³¹. При этом В.В. Крейтер был монархистом и имел идеалистические представления о планах германского руководства в отношении России. В частности, осенью 1941 г. он написал и передал представителям вермахта докладную записку о том, что проживавшие в Сербии русские эмигранты могли бы сыграть активную роль в создании администрации на занятой немецкими войсками территории СССР (естественно, что в нацистские планы это не входило)³².

Хотя ответа на записку Крейтера не последовало, Русское бюро 10 февраля 1942 г. объявило о добровольной регистрации лиц, желающих возвратиться в Россию на административно-технические должности. Эта регистрация была позволена, но в дальнейшем немцы использовали на своей службе лишь единичных лиц из выразивших желание ехать на Родину. По инициативе Крейтера был также организован «Главный контроль» при бюро, который проверял деятельность и финансы русских гражданских организаций в Сербии³³.

Одним из наиболее влиятельных сотрудников Русского бюро с августа 1941 вплоть до сентября 1944 гг. являлся Николай Дмитриевич фон Тальберг, будущий профессор Свято-Троицкой духовной семинарии РПЦЗ в Джордан-

³⁰ Там же.

³¹ Трушинович Я.А. Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 143.

³² ГАРФ. Ф. 6792. Д. 68. Л. 36–39.

³³ Там же. Ф. 7439. Оп. 1. Д. 8.

вилле (США). Он помогал обеспечивать в условиях оккупации деятельность многих русских учреждений: кадетского корпуса, институтов, гимназий, школ, библиотек, госпиталей, приютов, мастерских и различных курсов. Однако при этом никому не было известно, что Н.Д. Тальберг с довоенных времен тайно сотрудничал с германскими ведомствами. Так, в письме немецкого МИДа своему посольству в Белграде от 17 сентября 1937 г. говорилось: «...Тальберг, который до недавнего времени проживал в Париже и известен там посольству, вступил в контакт с Министерством иностранных дел и тайной государственной полицией. Так как собранная о нем информация благоприятна, и он представляется особенно хорошим знатоком отношений в Православной Церкви, он мог бы быть ценным советчиком по всем вопросам, которые касаются русской эмиграции, Православной Церкви и борьбы против большевизма как для Министерства иностранных дел, так и для Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды. МИД собирается поручить господину фон Тальбергу составление обстоятельной записки о положении Православной Церкви в эмиграции, а также о положении русских и нерусских политических организаций эмигрантов из СССР. За это ему обещан гонорар в 250 рейхсмарок. Из этого гонорара господин фон Тальберг мог бы получить аванс вскоре после своего переселения в Германию. Просим сообщить об этом господину фон Тальбергу, который... на 2-3 месяца поселился в Белграде, чтобы он по возможности еще до своего переезда в Германию начал составление записки»³⁴.

Следует упомянуть, что первоначально Крейтер, также как и Скородумов, не проявил должного уважения к духовенству. Весной 1942 г. Русское бюро издало положение о трудовой повинности, обязательной для лиц обоего пола, не достигших 60 лет, не освободив от него священнослужителей. Несколько русских священников выразили протест, ссылаясь на соответствующие привилегии духовенства в Российской империи, и генерал, желая поддержать силу приказа в полном объеме, пригласил в качестве эксперта профессора-канониста С.В. Троицкого, который высказался против претензий духовенства. Другой церковный юридический консультант дал противоположное заключение, и, в конце концов, Крейтер предоставил разрешение вопроса митрополиту Анастасию, который признал духовенство свободным от натуральной повинности в соответствии с российской практикой XIX века³⁵. Впрочем, постепенно отношения В.В. Крей-

³⁴Politischen Archiv des Auswärtigen Amts Bonn (AA), Politik V 473, Politik Russland 26, № 1, Bd. 1.

³⁵Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 278–279.

тера с руководством РПЦЗ нормализовались, и летом 1943 г. ему было преподано благословение Архиерейского Синода с выдачей грамоты «за всегдашнее внимание к церковным нуждам, заботу о поднятии уровня религиозного воспитания в школах и исполненное уважения отношение к пастырскому служению нашего духовенства»³⁶.

Резкое ухудшение материального положения, начавшиеся репрессии со стороны оккупантов, а также последовавшее в начале 1942 г. обязательное распоряжение подконтрольного немцам сербского правительства об увольнении с работы всех русских вне зависимости от их гражданства, сделали жизнь эмигрантов в оккупированной Сербии крайне тяжелой. Кроме того, многие русские белые эмигранты стали объектами нападений и физического истребления для партизан-коммунистов. К 1 сентября 1941 г. Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии зарегистрировало 50, а к лету 1943 г. около 300 убийств, в том числе 27 священнослужителей: священника Даниила Новосильцева, зарезанного вместе с женой, дочкой и работником казаком в с. Миличинцы; священника Вячеслава Зейна, погибшего в Жагубице; священника Пантелеимона Кокаева, убитого в с. Мала Црнуча; протоиерея Вячеслава Яковлевского (Яковлева), убитого в окрестностях г. Пожаревца; священника Сергея Белавина из с. Кула, застреленного после жестоких пыток; о. Баева; Власотинацкого архиерейского наместника Нишской епархии священника Николая Шпаковского; иеромонаха монастыря свв. Кирика и Иулитты Нишской епархии о. Гурия; служившего в г. Пакраце священника Андрея Семилуцкого; настоятеля Кленьского прихода протоиерея Григория Волкова; священника Браничевской епархии Василия Толмачева; убитого вместе с женой священника с. Глоговица Иоанна Кантемира; протоиерея Бориса Мулева из г. Скрада; протоиерея Михаила Гувовского; священника с. Хомолье Иосифа Брагина, убитого вместе с двумя его престарелыми прихожанами, и др.³⁷

В связи с убийствами коммунистами сразу нескольких русских священников в Браничевской епархии митрополит Анастасий в начале сентября 1942 г. отправил епископу Браничевскому Вениамину письмо, в котором просил при-

³⁶ Церковное обозрение. 1943. № 8. С. 5.

³⁷ Там же. 1942. № 11–12. С. 12, 1943. № 1. С. 8, № 8. С. 6, № 9. С. 3; Тимофеев А.Ю. Положение... С. 54; Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 312; Науменко В.Г. Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник документов и материалов. Т. 2. Нью-Йорк, 1970. С. 293; Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963. С. 12; Польский М., протопресв. Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилль, 1949. С. 217.

нять возможные меры для ограждения русских священников от угрожавшей им опасности. В ответе от 23 сентября владыка Вениамин с горечью подтверждал, что в его епархии убито три сербских и пять русских священников и сообщал: «Мы сделали циркулярное распоряжение о внесении в диптихи всех церквей имен этих жертв, умерщвленных безумием безбожников, чтобы на всех проскомидиях за них вынимали частицы. В то же время мы имеем честь уведомить Ваше Высокопреосвященство, что мы предприняли все шаги у соответствующих властей для охранения жизни священнослужителей как русских, так и сербов. Некоторых мы переместили в более верные места, где жизнь их будет в большей безопасности»³⁸.

Из-за враждебных акций коммунистических партизан в 1941 г. фактически прекратила существование русская монашеская община в монастыре Туман. Так, известный в дальнейшем афонский старец иеромонах Серафим вместе с отцом Антонием (Медведевым) и сербским иеромонахом Стефаном (Милковичем) во время нападения партизан бежали из обители через окно, и, по воспоминаниям о. Серафима, вдогонку им летели пули. Позднее архиепископ Антоний (Медведев) вспоминал: «Наш настоятель собрал нас и сказал, что мы, в случае чего, должны защищаться с оружием в руках. А я, о. Феофан и о. Серафим... были иеромонахами. Настоятель сказал, что кто не согласен с этим решением, может покинуть монастырь по его благословению. Мы с о. Серафимом Карульским сказали, что мы не согласны и, таким образом, с благословения настоятеля уехали из монастыря в Белград и оказались у Первоиерарха РПЦЗ»³⁹.

У самого митрополита Анастасия в первый же день нападения Германии на СССР — 22 июня 1941 г. был произведен обыск в покоях. В гестапо владыка имел репутацию англофила, в частности, там учитывали его тесные связи с английской администрацией Палестины в период управления архиереем Русской Православной Миссией в Иерусалиме и встречи в апреле и мае 1940 г. с приезжавшей в Белград с политической миссией делегацией Англиканской Церкви: епископом Глостерским Бакстоном и каноником Дагласом. В этой связи агенты гестапо искали, прежде всего, компрометирующую митрополита переписку⁴⁰. Из архивных немецких документов видно, что шеф гестапо Г. Мюллер еще в начале мая 1941 г. послал в Белград крупного чиновника РСХА Нейгауза для

³⁸ Убийства священников // Церковная жизнь. 1942. № 10. С. 155.

³⁹ *Всеволод (Филиппов), инок*. Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилль-М., 2005. С. 22–23.

⁴⁰ *Маевский В.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 258.

захвата архивов Сербской Православной Церкви и РПЦЗ, но в отношении последней задуманную операцию пришлось отложить на полтора месяца.

Одновременно с обыском у митрополита Анастасия были произведены тщательные обыски в канцелярии Архиерейского Синода и на квартире правителя дел синодальной канцелярии Г.П. Граббе, который оказался на несколько дней подвергнут домашнему аресту. В письме архиепископу Антонию (Бартошевичу) от 6 января 1987 г. сын Г.П. Граббе Константин, несколько преувеличивая размеры этих репрессий, сообщал: «Митрополит Анастасий был у Хитлера под арестом, а вся наша семья сидела тоже под домашним арестом целую неделю, и всех наших гостей регистрировали и записывали»⁴¹.

Сам епископ Григорий (Граббе) в письме Первоиерарху РПЦЗ митрополиту Виталию (Устинову) от 30 мая 1994 г. так описывал данную ситуацию и свои чувства в это время: «Сколько я себя помню, я никогда никого не ненавидел. Я не питал «ненависти» и ко всем врагам России, какую западные народы часто питали к своим врагам, например, немцы к русским. Я только ошибался насчет прочности немецких побед — был еще сравнительно молод. Однако мы в Синоде вообще соблюдали сугубую осторожность и не давали немцам никаких обещаний, которые они могли бы нам впоследствии припомнить. Лично у меня никакой симпатии к немцам быть не могло. Благодаря им, попал в руки большевиков мой отец, и больше года я не знал о судьбе своих двух дочерей и сестры. По чудесном возвращении их в Югославию, оккупировавшие ее немцы сделали обыск у митрополита Анастасия (фиктивно, чтобы пугнуть), но находящийся у меня и в Синодальной канцелярии. Тогда я и вся моя семья больше недели сидели под домашним арестом. При обыске у меня было отобрано много невосполнимых документов исторического значения, которые так и не были мне возвращены. Все посетители нашей семьи в эти дни к нам не допускались и брались на учет агентами немецкой полиции»⁴².

Изъятые при обыске делопроизводство Синода и множество других документов были отправлены в Германию для изучения. В 1945 г. они достались советским войскам и сейчас находятся в Москве, в Государственном архиве Российской Федерации, составляя большой отдельный фонд, включающий 387 дел. Сведений о политической деятельности митрополита гестапо найти не удалось, и оно оставило владыку в покое. Прекращение его дела отчасти произошло под воздействием командующего германскими войсками в Сербии генера-

⁴¹Stanford University Special Collections Librarian, Grabbe (Grigorii) Papers. Box 1. Folder 7.

⁴²СА. Д. 53/38.

ла Шрёдера⁴³. Военная администрация в Югославии, как и на оккупированных территориях СССР, старалась проводить по отношению к Русской Церкви более мягкую политику, чем другие ведомства.

В русской эмигрантской литературе содержится упоминание о том, что оккупационные власти предложили митрополиту Анастасию выпустить специальное воззвание к русскому народу с призывом содействовать германской армии, будто бы идущей крестовым походом для освобождения России от большевизма. Предложение это якобы было подкреплено угрозой интернирования в случае отказа. Но митрополит отверг его, указав, «что при неясности для него немецкой политики и полной не выясненности для русских патриотов тех целей, с которыми немцы идут в Россию, такого призыва он сделать не может»⁴⁴. По другим сведениям, с просьбой выпустить подобное воззвание к владыке обращались представители некоторых эмигрантских организаций⁴⁵. В любом случае митрополит, всегда проявлявший осторожность и старавшийся не допускать крайностей в выражении своих симпатий и антипатий, никакого послания в связи с началом войны на территории СССР летом 1941 г. не написал.

Такая же ситуация существовала и в отношении молений. В официальном заявлении канцелярии Архиерейского Синода 1947 г. говорилось: «Синод не считал возможным разрешить служение торжественных и частных молебствий о даровании победы немецкому оружию, чего хотели некоторые недалёковидные русские патриоты в Югославии, отождествлявшие заранее немецкие победы с успехом русского национального дела. Отрицательное отношение нацистов к религии еще более должно было укрепить его в таком решении. Если в русской церкви в Белграде с начала войны совершались перед Курской чудотворной иконой молебны каждый воскресный день, то никаких других молений на них не возносилось, кроме обычных, положенных на таком молебне с присоединением возносившихся и до войны прошений о спасении Отечества: «возстави, спаси и помилуй страждущее Отечество наше»⁴⁶. Вскоре после окончания войны и сам митрополит Анастасий заявил, что Синод «никогда не предписывал молитв

⁴³ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1; *Зализецкий И.* Сотрудники вымышленные и явные // *Православная Русь.* 1993. № 10–11. С. 11; *Григорий (Габбе), еп.* Завет... С. 326–327.

⁴⁴*Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1951. С. 134; Богомудрый Архиепископ. К 20-летию представления Блаженнейшего Митрополита Анастасия // *Der Bote.* 1985. № 6. С. 12–13.

⁴⁵От канцелярии Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей // *Православная Русь.* 1947. № 12. С. 2.

⁴⁶Там же.

о «победах Гитлера» и даже запрещал их, требуя, чтобы русские люди молились в это время только о спасении России»⁴⁷.

Из воспоминаний очевидцев известно, что после нападения Германии на СССР владыка Анастасий действительно служил перед Курской Коренной иконой Божией Матери в Свято-Троицкой церкви Белграда молебен всем святым о спасении России. Но в своем слове после молебна митрополит выступил с решительным обличением архиепископа Кентерберийского (который «призывал своих чад к молитве о победе советского оружия»⁴⁸), заявив: «Молиться о победе советской власти — значит, просить Бога о торжестве и утверждении большевизма, уже 24 года воюющего против Бога, умертвившего десятки тысяч его верных служителей, осквернившего бесчисленное множество храмов и иных святынь в искони православной России, и причинившего другие неисчислимые страдания и бедствия русскому народу... После этого молиться о победе большевистской власти — не значит ли желать утверждения на земле Антихриста, соединенного с гибелью всей вековой христианской культуры. Казалось бы гораздо более естественным, чтобы весь христианский мир соединился ныне вместе и предпринял общий крестовый поход против красного дракона, поработившего русский народ и его Церковь»⁴⁹.

Согласно же сообщению в журнале «Церковное обозрение» митрополит Анастасий 24 августа произнес в Свято-Троицкой церкви проповедь, в которой «ярко осудил архиепископа Кентерберийского за служение им молебна о даровании большевикам победы»⁵⁰.

В печатном органе Архиерейского Синода — журнале «Церковная жизнь» также осуждался молебен архиепископа Кентерберийского, как и патриотическое послание Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Старгородского) от 22 июня 1941 г. Впрочем, оценка этого документа была двойственной: «Послание митрополита Сергия является, с одной стороны, свидетельством его полного порабления со стороны коммунистов, а с другой — свидетельством полного неуспеха многолетней борьбы Ярославского-Губельмана с Церковью. Такой ученый и умный иерарх, каким является Митрополит Сергий, не мог свободно сравнивать сражение за безбожную власть с подвигом наших

⁴⁷Сборник избранных сочинений высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия. Джорданвилль, 1948. С. 226.

⁴⁸Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 297.

⁴⁹Там же. С. 297–298.

⁵⁰Церковное обозрение. 1941. № 10–12. С. 8.

предков... Послание написано по заказу коммунистической власти или... только подписано Митрополитом Сергием, будучи составлено в НКВД...»⁵¹.

Несомненно, что значительное количество правых эмигрантов сочло III Рейх меньшим злом, чем сталинский режим. Они приветствовали начало войны между Германией и СССР, надеясь, что данный режим вскоре рухнет и русский народ освободится от коммунистической диктатуры. Так, например, проживавший во Франции (в нормандском городке Сан-Бриаке) глава Российского Императорского Дома великий князь Владимир Кириллович 26 июня написал в данной связи чрезвычайно краткое обращение: «В этот грозный час, когда Германией и почти всеми народами Европы объявлен крестовый поход против коммунизма-большевизма, который поработил и угнетает народы России в течение 24-х лет, Я обращаюсь ко всем верным и преданным сынам нашей Родины с призывом: способствовать по мере сил и возможностей свержению богоборческой большевицкой власти и освобождению нашего Отечества от страшного ига коммунизма»⁵². Это обращение было объявлено в виде приказа начальника Объединения русских воинских союзов генерала фон Лампе 20 июля 1941 г.

В последовавшем через несколько месяцев письме княгине Вере Константиновне фон Лампе, ссылаясь на начальника Управления по делам русской эмиграции во Франции Ю.С. Жеребкова, сообщил, что Владимир Кириллович якобы «предоставил себя в распоряжение А. Гитлера», отметив: «Правда это или нет сказать не могу»⁵³. Генерал также писал, что существовал план привлечь для объединения русских организаций в Париже князя Гавриила Константиновича, но это оказалось невозможным из-за взглядов немцев на монархический вопрос⁵⁴.

Сам глава Российского Императорского Дома лишь в первые месяцы войны проявлял некоторую активность. 27 сентября 1941 г. он направил Первоиерарху РПЦЗ митрополиту Анастасию послание, посвященное происходившему «освобождению» народов России «от страшного ига большевицкой сатанинской власти», подчеркнув важность восстановления церковной жизни: «...Обязанность каждого верующего и одна из первейших его целей — это придти на помощь народам России в удовлетворении их духовно-религиозных потребностей.

⁵¹Послание митрополита Сергия по поводу войны // Церковная жизнь. 1942. № 1. С. 11.

⁵²Архив Свято-Троицкой семинарии Русской Православной Церкви Заграницей в Джорданвилле. Ф. В.К. Абданк-Коссовского. Кор. 36.

⁵³Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск, 2005. С. 195.

⁵⁴Там же.

Все русские патриоты, пребывающие в изгнании, когда получают возможность обрести свое Отечество и вернуться в родные пределы, должны приложить свои труды и силы к осуществлению этой главной цели: к восстановлению своих религий на родной земле. В основании не только правильной церковной организации, но и жизни в Православии каждого отдельного православного, должен быть Приход. Поэтому обязанность всех православных принять участие в восстановлении приходов и в развитии приходской жизни на Промыслом Божиим освобождаемой Родине. Долг всех верующих и особенно пастырей и архипастырей отдать все силы и помыслы делу воскресения Святой Православной Руси»⁵⁵. В дальнейшем Владимир Кириллович, осознав ошибочность своих представлений, фактически прекратил политическую деятельность (в 1944 г., за несколько дней до эвакуации своих войск из Нормандии, немцы принудили великого князя уехать в Германию; конец войны застал его в австрийской провинции Форарльберг на границе с Швейцарией)⁵⁶.

Свой довольно осторожный ответ на послание Владимира Кирилловича митрополит Анастасий написал только через четыре месяца — 29 января 1942 г.: «Предпринимая с самого начала войны все зависящие от меня шаги для восстановления церковной жизни в освобожденных пределах, я к большому своему сожалению до сих пор не имел возможности по независящим от меня причинам оказать этим областям помощь путем отсылки подготовленного для этого кадра духовенства или как бы то ни было способствовать каноническому и полезному как для Церкви, так и для дела борьбы с коммунизмом, устройению там церковной жизни. Не теряя, однако, надежды на то, что возможность такая откроется, я высоко ценю внимание Вашего Императорского Высочества к важнейшему вопросу о восстановлении повсюду приходов как основных ячеек будущего церковного и общественного строительства, видя в нем со стороны Вашего Императорского Высочества новое проявление той преданности Православной Церкви, которая всегда отличала Ваших Августейших Предков. Испытания нашего многострадального Отечества еще не окончились, но мы верим, что день окончательного освобождения его от долголетней тирании безбожной власти уже недалек, и что там снова ярко засияет спасительный свет Православия, как мы это уже видим отчасти в оккупированных областях России»⁵⁷.

⁵⁵ Архив Свято-Троицкой семинарии РПЦЗ. Ф. В.К. Абданк-Коссовского. Кор. 38.

⁵⁶ Там же. Кор. 36; СА. Д. 15/41.

⁵⁷ СА. Д. 15/41.

В 1941 г. вся русская диаспора в целом, также как и проживавшие в Югославии эмигранты, разделилась на две части — «оборонцев» и «пораженцев». Первые считали, что нацистская Германия стремится уничтожить Россию как государство, а вторые — лишь большевизм в стране (так на здании бывшего российского посольства в Белграде появился плакат: «Победа Германии — освобождение России»⁵⁸). На основании данных взглядов, одни утверждали, что следует помогать СССР в войне, другие же желали ему поражения. Однако даже воевавшие в дальнейшем на стороне немцев не хотели поражения России, они лишь видели в Германии меньшее зло, чем советская власть, и надеялись превратить вспыхнувшую войну в борьбу за возрождение своей Родины в новом качестве при поддержке российского населения. В Югославии, по утверждению В.А. Маевского, значительное большинство русских не разделяло пронемецких симпатий меньшинства и во главе с бывшим российским послом в Белграде В.Н. Штрандтманом «остро реагировало на попытки германофилов выступить от имени эмиграции»⁵⁹.

В этой связи надо различать позицию руководящих органов РПЦЗ от мнения ряда светских эмигрантских организаций и отдельных священнослужителей. В первые дни Великой Отечественной войны некоторые архиереи и священники РПЦЗ в своих статьях и воззваниях горячо приветствовали поход вермахта на территорию СССР. Наиболее известным из них является послание митрополита Западно-Европейского Серафима (Лукьянова) от 22 июня 1941 г., который призывал эмигрантов: «Верные сыны России. Пробил час освобождения нашей многострадальной Родины от власти богоборцев. Вождь Германского народа, канцлер Хитлер объявил крестовый поход против поработителей России. Началась страшная, решительная борьба с красными дьяволами. Открылась священная война со злейшими врагами Русского народа и всего человечества. За вождем Германского народа пошли в бой с мировыми злодеями многие народы Европы. Россия накануне освобождения и возвращения к новой лучшей жизни, к свету, к славе, к величию... Встанем все дружно, как один человек, на честный, ратный бой с красным дьяволом. Прекратим все наши распри и раздоры. Объединимся все в священной борьбе за правду Божию, за спасение Родины, за благо человечества... Святой Благоверный Великий Князь Александр Невский, Великий Князь Димитрий Донской, Святейший Патриарх Гермоген и все наши

⁵⁸ *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии // Русская жизнь. 1946. 16 апреля.

⁵⁹ Архив Свято-Троицкой семинарии РПЦЗ. Ф. В.А. Маевского. Кор. Афон; *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии.

Угодники и молитвенники за Русскую Землю да благословят нашу священную войну со слугами сатаны. Да здравствует Великая Национальная Россия»⁶⁰.

Согласно послевоенному свидетельству Е. Кусковой, летом 1941 г. митрополит Серафим (Лукьянов) даже обратился к членам причта церковью его епархии с предложением «возносить молитвы за победу немцев», и один из самых авторитетных ее клириков — настоятель женевской церкви протопресвитер Сергей Орлов был так потрясен этим указом, что отказался читать его в храме⁶¹ (возможно, здесь речь идет об упомянутом послании митрополита от 22 июня 1941 г.).

Некоторые священнослужители, занимая гораздо более осторожную, скорее негативную позицию по отношению к германскому вторжению, были против любой помощи Советскому Союзу. Архиепископ Восточно-Американский Виталий (Максименко) заявил, что «долг каждого православного русского человека всеми силами бороться против антихристовой советской власти», и обратился с письмом к президенту Франклину Рузвельту, прося его «не оказывать помощи палачам русского народа»⁶². После нападения Германии на СССР на Соборе архиереев РПЦЗ в Северной Америке было принято предложение владыки Виталия внести в ектении при богослужении два новых прошения: 1. «о многострадальном русском народе, в тяжких обстоятельствах сущем и о спасении его, Господу помолимся», 2. «о еже избавити люди Своя от горькаго мучительства безбожных власти, от нашествия иноплеменников и междоусобных брани, нам же даровати единомыслие, братолюбие и благочестие, Господу помолимся»⁶³.

В обращении архиепископа Виталия и других деятелей Русско-американского национального комитета (Б.В. Сергиевского и Б.Н. Бразоля) в июле 1941 г. к президенту Ф. Рузвельту говорилось: «...Русские страстно ждут прихода благословенного часа своего освобождения. Русский народ стоит сейчас перед трагической дилеммой: либо использовать нападение Германии на Сталина для своего освобождения от советского ига, либо, подчинившись Сталину, навсегда отказаться от надежды стряхнуть с себя оковы коммуни-

⁶⁰ Там же; *Seide G. Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland.* München, 1989. S. 114; BA, R5101/22184, Bl. 30.

⁶¹ *Кускова Е.* Письмо в редакцию // *Новое русское слово.* 1951. 25 мая; СА. Д. 72a/46.

⁶² ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.

⁶³ *Русская Православная Церковь Заграницей.* Т. 1. Иерусалим, 1968. С. 91–94; *Якунин В.Н.* Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001. С. 243.

стического рабства. Ныне в первый раз Россия имеет возможность вернуться в лоно великой семьи тех цивилизованных наций, которые исповедуют принципы социальной справедливости и политической свободы... Мы полагаем, что было бы фатальной ошибкой для Соединенных Штатов выступать на защиту советов..., принципиально и безоговорочно мы противимся всякой попытке захвата русской территории... Мы полагаем, однако, что задача охранения целостности России является долгом самих русских и, далее, что как только придет к власти компетентное русское национальное правительство, оно сумеет разрешить все территориальные проблемы без вмешательства какого-либо иностранного правительства»⁶⁴.

В ответ на это обращение экзарх Московского Патриархата в Северной Америке митрополит Вениамин (Федченков) в «Послании ко всем русским людям в Америке» рассказал о развертывании патриотической деятельности Русской Церкви на Родине, призыве Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия к защите Отечества, сборе средств в фонд обороны и резко осудил заявления архиепископа Виталия и его сторонников: «Они холодной рукой бросают камень обвинения в русский народ»⁶⁵.

Однако имелись и священнослужители РПЦЗ, настроенные резко антинацистски и антигермански, например архимандрит (будущий архиепископ) Нафанаил (Львов). По далеко неполным подсчетам ученых Свято-Тихоновского университета «от нацистов, в том числе за спасение евреев, пострадал 21 представитель зарубежного русского духовенства»⁶⁶. В их число входили состоявшие в юрисдикции РПЦЗ протопресвитер Андрей Врасский (во Франции) и архимандрит Григорий (Перадзе) (в Польше), которые за участие в движении Сопротивления и помощь евреям были арестованы гестапо и погибли в концлагере. Следует упомянуть также, что один из прихожан РПЦЗ — Александр Шморель, имевший русско-немецкое происхождение, был казнен нацистами за участие в подпольной мюнхенской группе «Белая роза» и прославлен Зарубежной Русской Церковью в лике святых в 2012 г.

Были подобные примеры и на территории Югославии: служивший до войны в церкви г. Баня-Лука священник Григорий Александрович Крыжановский

⁶⁴ *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955. С. 162–164.

⁶⁵ *Голдин В.И.* Роковой выбор. С. 174.

⁶⁶ *Емельянов Н., прот.* Представители русского зарубежья, за Христа пострадавшие // XVIII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 232.

летом 1941 г. был выслан прогерманскими хорватскими властями в Сербию, и в его некрологе, опубликованном в «Журнале Московской Патриархии», указывалось, что о. Григорий в «офицерском звании участвовал в борьбе с фашизмом»⁶⁷. Активно помогали партизанам настоятельница Кичевского монастыря Благовещения Пресвятой Богородицы игуменья Диодора (Дохторова) и настоятель Карпинского монастыря Пресвятой Богородицы вблизи г. Куманово русский игумен Иулий, который был за это убит оккупантами⁶⁸.

В оккупированной Югославии прогерманскую позицию заняли несколько русских светских религиозных деятелей. Бывший советник при Первоиерархе Польской Православной Церкви митрополите Дионисии (Валединском) адвокат К.Н. Николаев, высланный в 1933 г. из Польши за сопротивление закрытию православных храмов и поселившийся в Югославии, в марте 1943 г. представил уполномоченному немецкого МИДа в Белграде Бенцлеру свою книгу «История Православия» для передачи рейхсканцлеру Гитлеру и дальнейшего использования в антибольшевистской борьбе. 30 марта книгу переслали в Берлин с указанием, что причина ее передачи — желание Константина Николаева вернуться в Варшаву⁶⁹.

В ответ на запрос МИДа штаб шефа полиции безопасности и СД 10 мая и Рейхсминистерство народного просвещения и пропаганды 13 июля ответили, что Николаев — убежденный православный и русский националист, а о его дружественности Германии ничего не известно; в своей книге он резко выступает против Польши и польской церковной политики, а также антирелигиозной борьбы советского правительства, поэтому следует запросить группу религиозной пропаганды. Однако ответ этой группы от 20 октября 1943 г. был негативный: «Для пропагандистских целей книга не годится ни в коем случае». В вину Николаеву ставили искажение положения Церкви в Советской России (утверждение, что она после революции пережила определенный подъем), доказательства, что только православная вера — истинная, и даже отдельные высказывания против национал-социалистической идеологии⁷⁰.

Наиболее прогерманскую позицию из упомянутых деятелей занял редактор-издатель журнала «Церковное обозрение» Е.И. Махароблидзе. Уже в июне 1941 г. он с разрешения начальника группы периодической печати отдела

⁶⁷ Журнал Московской Патриархии (ЖМП). 1978. № 9. С. 18.

⁶⁸ Николай (Трайковский), игум. Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012. С. 46.

⁶⁹ АА. Inland I-D, 4795.

⁷⁰ Ibid.

пропаганды «S» при командующем немецкими войсками в Сербии возобновил выпуск своего издания и в июльском номере постарался свести старые счеты с Архиерейским Синодом, опубликовав статью, написанную «в крайне неуважительном тоне не только к ныне здравствующим иерархам, но и к в Бозе почившим Святейшему Патриарху Варнаве и Блаженнейшему Митрополиту Антонию»⁷¹.

Правда, 11 октября Е.И. Махароблидзе получил неожиданное письмо из отдела пропаганды: «Вы извещаетесь о том, что выпуск Вашего журнала «Церковное обозрение» отныне запрещен, и Вы обязаны после ликвидации журнала до 20 октября сего года представить письменный рапорт в подразделение цензуры отдела пропаганды «S». Обжалование этого решения невозможно»⁷². Однако вскоре Махароблидзе сумел добиться разрешения на продолжение издания «Церковное обозрение», и уже 16 октября группа периодической печати известила его, что выпуск журнала разрешено продолжить⁷³. Синод же смог возобновить издание своего периодического органа — журнала «Церковная жизнь» только в декабре 1941 г.

22 июня 1942 г. Е.И. Махароблидзе написал скандальную статью, в которой говорилось: «Прошел год, как поднят меч Правды на самого страшного врага всего человечества — коммунистический интернационал, разносящий по всему миру разъедающий душу человека чумной яд большевизма... Особая радость охватывает нас от сознания, что мы, наконец, дождались того момента, которого так долго ждали в муках и унижениях нашего эмигрантства. И нет слов, нет чувств, в которых можно было бы излить заслуженную благодарность освободителям и их Вождю Адольфу Хитлеру, восстановившему там свободу вероисповеданий, возвратившему верующим отнятые у них храмы Божии и возвращающему им облик человеческий... Почитаемый афонский старец о. Аристоклий, умирая в Москве в начале большевизма, пред своей кончиною сказал своим почитателям: «Спасение России придет, когда немцы возьмутся за оружие. Надо будет русскому народу пройти через многие унижения; но в конце он будет светильником веры для всего мира». Рушится велико-британская империя; в судорогах корчится ее союзник красный дракон; в бездействии мечется «князь королевской тайны» — иудейская надежда Рузвельт. Вот три оплота общего врага человечества и его двухтысячелетней христианской культуры. И

⁷¹Церковная жизнь. 1941. № 3–12. С. 34.

⁷²Архив Германской епархии Русской Православной Церкви Заграницей в Мюнхене. Д. Разная переписка. Военные годы.

⁷³Там же.

нынешний крестовый поход на заре второй годовщины должен уничтожить этот триумфат зла. И провидение Божие судит быть сему»⁷⁴.

Через четыре месяца — в октябре 1942 г. Е. Махароблидзе в другой своей статье уже прямо обвинял Архиерейский Синод РПЦЗ в отказе поддержать немецкий поход в Россию: «Судья Вселенский избрал Своим орудием... Вождя германского народа — А. Хитлера, 22 июня 1941 г. поднявшего меч на сатанинскую власть и с того времени ставшего вождем человечества и спасителем его от красного коммунизма. И, казалось бы... исполнительному органу Собора, по нашему крайнему разумению, следовало бы в свое время благословить этот св. крестовый поход и обратиться тогда же к русскому народу с особым кратким, но вразумительным посланием, разъясняющим ему, что этот поход несет ему освобождение от оков беззаконников, и призывающим ополчиться на советскую власть и соединиться с германским оружием для окончательного уничтожения коммунизма и устройства нового и для всех народов Европы справедливого порядка. Но Синод здесь молчал, а там иерархи, по крайней мере, официальной церкви, призывали русских к молитве за победу сатаны. Может быть, колесо истории повернулось бы иначе и для русского народа и всего человечества, если бы голос церкви своевременно прозвучал там и здесь — для тамошних, иначе, по Божьему. Может быть, это образумило бы красные полчища, и предотвратило бы то обильное кровопролитие, которое орошает ныне весь мир, и сократился бы срок брани, и если не весь свет, то по крайней мере вся Европа под мудрым руководством и водительством Вождя Хитлера была бы уже в разгаре переустройства на принципах нового справедливого порядка»⁷⁵.

Сам же Архиерейский Синод весь период войны избегал проявлять свое одобрение политике III рейха, и в тоже время с лета 1941 г. всячески старался использовать сложившуюся ситуацию для желаемого участия в церковном и национальном возрождении России. С этой целью он пошел на контакт с германскими ведомствами и относительно редко открыто критиковал те или иные их действия. Согласно свидетельству Г.П. Граббе: «Главным врагом для русских иерархов был коммунизм, и пока германское правительство так или иначе вело

⁷⁴Махароблидзе Е.И. К годовщине крестового похода // Церковное обозрение. 1942. № 4–6. С. 6–7.

⁷⁵Церковное обозрение. 1942. № 9–10. С. 4.

борьбу с ним, хотя и очень неудачно, выступить против него, как бы то ни было, было и невозможно и нецелесообразно»⁷⁶.

Уже 26 июня, через четыре дня после начала войны и проведенного у него обыска, митрополит Анастасий, еще питая необоснованные иллюзии, при посредничестве генерала Шрёдера послал в РКМ письмо с просьбой исходатайствовать ему разрешения на проезд в Берлин. Владыка, прежде всего, хотел обсудить с германскими ведомствами вопрос об удовлетворении духовных нужд на занятых русских территориях и организации там церковной власти: «Крестовый поход, который фюрер объявил против безбожного коммунизма, дает нам надежду, что наше Отечество скоро снова будет свободным. Важнейшая и первейшая подготовительная работа для изживания коммунизма заключается в восстановлении прежде угнетаемой церковной жизни в освобожденных областях...»⁷⁷. Митрополит отмечал, что ему легче было работать над этим не издали — из Белграда, а из Берлина: «Поэтому было бы очень важно, чтобы я приехал в Берлин, чтобы там вступил в непосредственный контакт с влиятельными персонами и органами, от которых зависит восстановление жизни в освобожденной России»⁷⁸.

Министерство церковных дел, традиционно занимавшее по отношению к РПЦЗ благожелательную позицию и, кроме того, усмотревшее в письме повод для себя заняться церковными делами на Востоке, сразу же ответило согласием. 12 июля архиепископ Берлинский и Германский Серафим (Ляде) написал митрополиту: «Рейхсминистерство... сообщило внешнеполитическому ведомству и государственной полиции, что Ваша поездка в Германию не вызывает возражений»⁷⁹. Но другие, гораздо более влиятельные ведомства, прежде всего Министерство занятых восточных территорий, Главное управление имперской безопасности и МИД, занимали противоположную позицию. Категорическое неприятие у них вызывал сам факт возможных переговоров РКМ и митрополита. Поэтому к концу июля владыка Анастасий получил первый отказ по поводу разрешения на поездку в Берлин. В частности, шеф полиции безопасности и СД Вандерлебен 29 июля написал в РКМ о том, что он против въезда митрополита Анастасия и Г.П. Граббе в Германию⁸⁰.

⁷⁶Граббе Г., *протопресв.* Церковь и ее учение в жизни (Собрание сочинений). Т. 2. Монреаль, 1970. С. 172.

⁷⁷РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 1. Л. 83.

⁷⁸Там же.

⁷⁹СА. Д. 15/41. Л. 2, 5.

⁸⁰РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 1. Л. 79.

Фактически, речь шла о целенаправленной политике изоляции Архиерейского Синода, устраивались препятствия даже его контактам с Берлинским архиепископом Серафимом. Была нарушена вся почтовая связь Синода с внешним миром. Причем эта политика изоляции стала проводиться еще накануне нападения Германии на СССР. 28 мая 1941 г. архиепископ Серафим написал в РКМ, что он приглашен на заседание Архиерейского Синода в Белград и попросил разрешения на проезд: «Учитывая, что православная епархия в Германии в настоящее время получила особое значение, и дальнейшая деятельность Синода также служит интересам Германского рейха, или как минимум, должна соответствовать этим интересам, я считаю целесообразным мое участие в этом заседании. Кроме того, я намереваюсь на этом заседании выступить за далеко идущую самостоятельность православной епархии в Германии, так как последняя перестала быть чисто русской эмигрантской епархией»⁸¹. 9 июня сотрудник министерства В. Гаугг письменно известил архиепископа, что он не возражает против поездки. Однако 19 июня шеф полиции безопасности и СД Вандерлебен написал в РКМ о том, что он против, и поездка владыки Серафима не состоялась⁸².

После первого отказа митрополиту Анастасию последовали новые многократные бесплодные попытки Первоиерарха РПЦЗ. 29 июля владыка встречался с генералом Шрёдером и уполномоченным МИД в Белграде Феликсом Бенцлером. Последний, еще не зная о мнении своего начальства, обещал помочь в получении требуемого разрешения. В тот же день Бенцлер действительно послал руководству телеграмму с рекомендацией пойти навстречу просьбе митрополита. Незадолго перед этим в МИД поступило письмо РКМ от 11 июля, а затем вскоре и негативный отзыв министра занятых восточных территорий А. Розенберга «из соображений принципиального характера»⁸³. В самом МИДе считали так же. В заметке начальника реферата культуры Гранова от 12 августа выдвигались возражения против предложения РКМ, и утверждалось, что «регулирование отношений Православных Церквей за границами рейха не является задачей и правом Церковного министерства, а целиком относится к компетенции Министерства иностранных дел»⁸⁴.

В сентябре митрополит Анастасий принял в белградском Русском доме немецкого церковного дипломата доктора наук Е. Герстенмайера, которому за-

⁸¹ Там же. Л. 74.

⁸² Там же. Л. 76–77.

⁸³ ВА. R901/69680, Вл. 85, 88.

⁸⁴ Ibid. R901/69300, Вл. 128.

явил о своем убеждении в том, что через короткое время германские власти призовут русских эмигрантов назад на Родину, «между тем подчиненный ему клир и русские миряне готовятся прибыть в Россию для большой миссионерской деятельности по возрождению Русского Православия». Герстенмайер также отметил, что зал заседаний, «кроме распятия был украшен большим портретом фюрера»⁸⁵. Впрочем, это не было помещением канцелярии Архиерейского Синода или личные покои владыки, и портрет Гитлера, скорее всего, повесила администрация Русского дома.

В начале и конце октября 1941 г. митрополит Анастасий еще дважды встречался с Ф. Бенцлером и передавал ему ходатайства о своем переезде в Берлин, объясняя важность организации церковной жизни в России. В частности, в меморандуме от 29 октября владыка писал: «Решительные успехи немецкого оружия в крестовом походе против большевизма имели результатом освобождение больших территорий России, и можно уже предвидеть скорое падение Москвы». Естественно, что для германского правительства будет важным как можно скорее уничтожить там большевистскую пропаганду «тайных агентов евреев, если они приспособятся к новым отношениям». Только Церковь по-настоящему может этому противостоять, поэтому, несомненно, важно наладить там церковную жизнь. Неизвестно, остались ли епископы в Москве или на Украине. В связи с этим «было бы необходимо, предоставить возможность русскому Архиерейскому Синоду за границей сразу послать находящихся в Европе русских православных архиереев в упомянутые области, и направлять их работу там по соглашению с немецкими ведомствами... вследствие чрезвычайной нехватки православных священников во всей оккупированной зоне, было бы одновременно срочно необходимо организовать отправку туда из Германии, Франции, Сербии, Хорватии и Болгарии русских священников, которые давно хотят предоставить все силы на службу своей родной Церкви...»⁸⁶.

Однако каждый раз на соответствующие запросы своего белградского уполномоченного германский МИД отвечал категорическим отказом. В ноябре 1941 г. он известил и Министерство церковных дел о нежелательности приезда митрополита Анастасия в Германию⁸⁷. Вскоре — 9 декабря владыке Анастасию передали официальный ответ о невозможности его поездки в Берлин⁸⁸.

⁸⁵ AA. Inland I-D, 4/1-12, R98797, Inland I-D, 13/12-13, R98823.

⁸⁶ РГВА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 1. Л. 110.

⁸⁷ AA. R105169, Politik XII 5. 1941-42.

⁸⁸ СА. Д. 15/41.

Архиерейский Синод долго не терял надежду на появление возможностей активной церковной деятельности в России. 25 августа Первоиерарх РПЦЗ с надеждой писал в США главе Северо-Американской епархии митрополиту Феофилу: «Наступили сроки... Печати (с тайн Промысла) снимаются... Мы должны быть готовы... Жатва предстоит большая, а делателей мало...»⁸⁹. 10 октября 1941 г. владыка Анастасий в очередной раз справлялся у архиепископа Серафима (Ляде) о возможности «разрешения общего вопроса о перенесении нашей церковной работы в родные пределы». И в тот же день свои соображения о необходимости миссионерской деятельности в России написал архиепископу Серафиму Г.П. Граббе: «Жатва большая, а делателей мало. Между тем в интересах самих освободителей, чтобы организация церковной жизни производилась возможно скорее, и чтобы вела ее организация безусловно дружественная и желающая прочного сотрудничества с ними. Впрочем, все, что происходит, слишком явно носит на себе печать Божия Промысла, чтобы слишком волноваться о промедлении, как оно нам не досадно, и как мы ни рвемся поскорее на работу. Господь все устраивает к лучшему...»⁹⁰.

В связи с надеждами на скорое начало активной церковной деятельности в России канцелярия Синода уже в июле 1941 г. стала рассылать русским священникам в Югославии опросные листы с целью выявления желающих ехать на Родину. К 26 июля в соответствующем списке зарегистрировались 12 человек, к 7 августа уже 20 — 10 протоиереев, 7 священников, 1 игумен, 1 иеромонах, 1 протодиакон и т.д. В ответ на запрос священника Вячеслава Зейна канцелярия отвечала 12 августа, что «пока производится только учет русского духовенства, которое пожелало бы при первой возможности поехать в Россию для миссионерской работы там и удовлетворения духовных нужд православного населения... Выражающим желание ехать в Россию надо иметь в виду, что, вероятно, ехать можно будет без семьи и первоначально на очень тяжелые условия жизни»⁹¹.

Большинство из желающих уехать в Россию русских священников служили на сербских приходах, но вскоре этот вопрос был улажен. 10 декабря 1941 г. Синод Сербской Церкви написал Архиерейскому Синоду РПЦЗ, что он предложил своим епархиальным архиереям беспрепятственно выдавать канониче-

⁸⁹ Вениамин (Федченков), митр. Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви) // Церковно-исторический вестник. 1999. № 4–5. С. 109, 129.

⁹⁰ СА. Д. 15/41.

⁹¹ Там же. Д. 17/41. Л. 1–7.

ские отпуска русскому духовенству, если последнему представится возможность ехать на Родину⁹².

К лету 1942 г. в Синодальную канцелярию поступило около 80 прошений священнослужителей о желании переехать в Россию (в архивном деле сохранились 64 опросных листа). Среди желающих были даже 82-летний архимандрит Никон (Ордовский-Танаевский) и 70-летний протоиерей Виталий Павлович Лепоринский (из Оренбургской губернии), написавший: «Собраться могу в один день»⁹³. Следует отметить, что не только духовенство, но и большая часть российской эмиграции почти до самого конца Второй мировой войны, жила буквально на чемоданах, ожидая скорого возвращения домой.

О желании служить на Родине заявило большинство проживавших в Югославии русских священников. Но митрополит Анастасий понимал, что для возрождения церковной жизни их нужно гораздо больше, и поэтому, согласно заметке канцелярии Синода от 3 августа 1941 г. планировал обсудить в Берлине с РКМ вопрос об организации в Белграде шестимесячных пастырских курсов примерно на 100 человек. Все эти планы реализованы не были. Их неудачный исход хорошо характеризует письмо из Вены владыки Серафима митрополиту Анастасию от 12 августа 1942 г.: «По вопросу о посылке священников в Россию: К прискорбию, по всем данным, высшие правительственные власти относятся пока еще отрицательно к положительному решению этого вопроса. Я возбудил несколько таких ходатайств, но без успеха. По всей вероятности власти подозревают, что заграничное духовенство является носителем политической идеологии, неприемлемой для германских властей в настоящее время. Мне даже не удалось получить разрешение на переезд в Германию некоторых священников из заграницы (напр., о. Родзянко), а по дошедшим до меня сведениям, разрешение не было дано, потому что эти священники якобы работали вместе с политическими эмигрантскими организациями»⁹⁴. Предположение владыки о причине негативного отношения германских ведомств было совершенно правильным.

Высказал Архиерейский Синод и свои представления о создании церковного управления в занятых областях России. Здесь также нужно разграничивать позиции руководства РПЦЗ и отдельных архиереев. Первоначально свой «Проект организации высшей церковной власти Православной Церкви в России» разработал и 9 сентября 1941 г. отправил в РКМ митрополит Серафим (Лукьянов).

⁹²Там же.

⁹³Там же.

⁹⁴Там же. Л. 21, 37.

В этом проекте говорилось: «Для восстановления России чрезвычайно необходимо сразу после падения советской власти и образования национального русского правительства организовать в Москве единую высшую церковную власть Православной Церкви... следует позаботиться о том, чтобы национальное русское правительство признало главу Зарубежной Русской Церкви митрополита Анастасия временным Местоблюстителем Патриаршего престола и поручило ему образование временного Патриаршего Синода»⁹⁵. Митрополит подчеркивал, что он написал это письмо исходя из своих представлений и предлагал «устроить в ближайшее время в Берлине конференцию, в которой участвовали бы митрополит Анастасий, я сам и архиепископ Берлинский Серафим»⁹⁶. В письме хорошо видны характерные для некоторых эмигрантских кругов политические иллюзии, определявшие и их церковные действия. Конечно, нацистское руководство никоим образом не планировало содействовать организации «национального русского правительства» или «единой высшей церковной власти Православной Церкви», оно имело прямо противоположные цели.

Ознакомившись с указанным проектом, архиепископ Серафим (Ляде), видимо, не согласился с некоторыми высказанными в нем идеями и 16 сентября обратился к митрополиту Анастасию с просьбой прислать подобный документ. Владыка откликнулся быстро и уже 1 октября отправил краткое мнение Архиерейского Синода относительно регулирования церковных дел в России. В нем говорилось о двойной задаче: 1. Возобновление церковной жизни в освобожденных от коммунистической власти областях и 2. Воссоздание законной всероссийской церковной власти. Для решения первой задачи предлагалось предоставить Синоду возможность командировать епископов в Россию. Другая задача признавалась «едва ли разрешимой в полной объеме, прежде чем будет освобождена от коммунистической власти вся Россия и выяснена судьба главы Русского Патриархата митрополита Казанского Кирилла». А до этого времени считалось необходимым «в Москве в возможно ближайшее время по освобождении ее ... созвать Собор из всех наличных епископов Русской Церкви, не скомпрометированных сотрудничеством с митрополитом Сергием и особенно участием в его Синоде, во главе со старейшим из них и составить временное высшее церковное управление, которое впоследствии созвало бы и Всероссийский Собор для

⁹⁵ВА. R5101/22183, Bl. 16.

⁹⁶Ibid., Bl. 17–20.

восстановления Патриаршества и суждения о дальнейшем устройстве Русской Церкви»⁹⁷.

Как уже говорилось, митрополит Кирилл (Смирнов) считался РПЦЗ после смерти митрополита Петра (Полянского) законным, каноническим Первоиерархом Русской Церкви. В этом качестве он с 1937 г. поминался за богослужениями в зарубежных храмах, в то время как в СССР поминали митрополита Сергия (Страгородского). За границей тогда не знали, что владыка Кирилл после многолетней ссылки в Сибири и Казахстане был расстрелян 20 ноября 1937 г. Не теряя надежды получить разрешение на поездку в Берлин, митрополит Анастасий 29 октября передал меморандум Синода с предложениями о регулировании церковной жизни в России уполномоченному МИД в Белграде. Этот документ в основном повторял письмо от 1 октября⁹⁸.

После весеннего немецкого наступления 1942 г., считаясь с тем, что Москва может быть завоевана летом, Синод решил подготовиться к новой ситуации и последний раз обратился к германским ведомствам со своими предложениями по организации церковного управления в России. В его июньском письме говорилось: «... в духе канонов Православной Церкви существует только одно решение в деле организации церковного управления, а именно: созыв Собора русских архиереев старейшим среди них и назначение этим Собором временно главы Церкви и остального церковного управления»⁹⁹. Окончательная организация руководящих органов и выборы Патриарха, по мнению Синода, могли состояться только тогда, когда будут назначены архиереи на все пустующие кафедры и в стране утвердятся «нормальные отношения»¹⁰⁰.

Германский историк Г. Зайде вполне справедливо писал: «В этом документе ясно видно, что русские епископы в эмиграции проявляли большой интерес к восстановлению канонической церковной власти в России, но она могла бы быть восстановлена только общим Собором всех архиереев... Кроме того, было разъяснено, что Архиерейский Синод не стремится взять на себя руководство всей Русской Церковью... Со стороны германского правительства было предпринято все, чтобы воспрепятствовать воздействию зарубежных русских архиереев на реорганизацию церковной жизни оккупированных территорий, так как для германского правительства речь шла не о сильной, единой Русской Церкви,

⁹⁷СА. Д. 15/41. Л. 7, 10–12.

⁹⁸Там же. Л. 32.

⁹⁹Там же. Л. 27–28.

¹⁰⁰Там же. Л. 29–30.

а о ее раздроблении. Берлин справедливо опасался, что Православная Церковь может быть организацией национального сплочения»¹⁰¹. В то же время следует отметить, что и митрополит Анастасий и Архиерейский Синод в целом в первый период войны сильно ошибались в оценке германских планов и церковной политики III рейха. Фактически ничего иерархи РПЦЗ не знали и о яростной междоусобной борьбе нацистских ведомств, почти полной потере влияния Министерства церковных дел. Обращения в Берлин не имели ни малейшего смысла. Все письма Синода с планами создания церковного управления в России остались без ответа.

Несмотря на разнообразные запреты РПЦЗ пыталась, насколько было возможно, участвовать в церковном возрождении на территории СССР. Главным образом это проявлялось в помощи церковной литературой и утварью. Особенно активно подобная деятельность осуществлялась в 1942–1943 гг. Впрочем, уже 18 июля 1941 г. митрополит Анастасий написал Епископскому Совету по управлению русскими православными общинами в Югославии о том, что помимо подготовки кадров духовенства, встал вопрос о снабжении их священными сосудами, облачениями и богослужебными книгами; РПЦЗ должна и в этом помочь «нашим братьям в России», поэтому при Архиерейском Синоде начать учет церковной утвари, которую можно послать на Родину. Епископскому Совету предписывалось выяснить, какие церкви могут быть закрыты из-за отъезда большей части прихожан в Россию, какие сохранятся, но что из их церковной утвари настоятели могут пожертвовать¹⁰².

11 ноября 1941 г. Первоиерарх РПЦЗ обратился с просьбой об официальном разрешении оказания благотворительной помощи в России к шефу штаба управления командующего войсками в Сербии (помощнику по гражданской части) генералу Турнеру. При этом владыка ссылался на заметку в русской газете «Новое Слово», не зная, что подобный сбор в Берлине был, в конце концов, запрещен¹⁰³. В Белграде его также не разрешили.

И все-таки в июле 1942 г. был создан Комитет по сбору средств в фонд при Архиерейском Синоде для приобретения и изготовления священных сосудов, богослужебных книг, церковной утвари, облачений, икон и крестиков для нужд Церкви в России¹⁰⁴. 1 августа 1942 г. владыка Анастасий написал митро-

¹⁰¹ Seide G., a.a.O., S. 117, 119.

¹⁰² СА. Д. 17/41.

¹⁰³ Там же. Д. 15/41. Л. 14.

¹⁰⁴ Церковное обозрение. 1942. № 7–8. С. 4.

политу Серафиму (Ляде) в Берлин: «...при мне организован комитет, который собирает средства на снабжение верующих в России церковной утварью, богослужебными книгами и т.д. Некоторое количество книг нами уже приобретено, отпечатано 80 антиминсов, заказаны нательные крестики и 30 комплектов церковных сосудов. Если у Вас действительно налаживается связь с освобожденными областями, мы могли бы часть заготовленного материала послать Вам для пересылки по назначению». Владыка Серафим ответил, что существует возможность отправлять из Берлина на Украину и в Россию посылки по почте или с надежными людьми, таких посылок передано уже большое количество и в ответ получено множество благодарственных писем¹⁰⁵.

Это известие было воспринято с радостью и уже в сентябре 1942 г. митрополиту Серафиму отправили 30 антиминсов и 2500 нательных крестиков, приобретенных на добровольные пожертвования белградских прихожан. Подтверждая их получение, он 12 октября писал: «Но нужда в крестиках и т.д. очень большая. Почти каждый день я получаю письма от духовенства в России, которое просит помощи. Там нет ничего. Нет богослужебных книг, сосудов и пр. Своими средствами мы не в состоянии оказывать помощь, так как мы все уже раздали, что имелось в наших храмах. Поэтому я за все благодарен, что получаю от Вас»¹⁰⁶. К середине ноября 1942 г. владыка получил из Белграда еще 3000 крестиков и отправил на Украину и в Россию 520 антиминсов (400 освященных и 120 неосвященных — в Киев). Эта связь продолжалась и дальше. Например, 2 мая 1943 г. Синодальная канцелярия переслала митрополиту Серафиму 20 антиминсов, 1000 крестиков и бутылку Святого Мира¹⁰⁷.

Но Синод и своими силами пытался распространять богослужебную литературу и утварь. 2 сентября 1942 г. для отправки с капитаном парохода в Россию были переданы Евангелие, часослов, 3 катехизиса и другие книги. В сопроводительном письме митрополит Анастасий писал: «Зная о скудости, которая испытывается на Родине в богослужебных книгах и вообще в церковной литературе, мы посылаем при сем небольшое количество книг, изданных Архиерейским Синодом Русской Православной Церкви Заграницей или при его ближайшем участии. Просим, если представится возможность, уведомить нас о получении посланного»¹⁰⁸. 10 сентября 1942 г. Синодальная канцелярия переслала настоя-

¹⁰⁵СА. Д. 17/41. Л. 19–22, 24.

¹⁰⁶Там же. Л. 27–29.

¹⁰⁷Там же. Д. 15/41. Л. 1.

¹⁰⁸Там же. Д. 17/41. Л. 25–26.

телю церкви в Линце часослов и 500 крестиков для раздачи военнопленным и рабочим из России и т.д. К ноябрю в Белграде было отпечатано 2000 экземпляров миссионерского листка, причем половину тиража уже удалось переслать на Родину¹⁰⁹.

В это время активно продолжался сбор средств на покупку церковных предметов и утвари для отправки в Россию; Архиерейский Синод заказал изготовление 100 тыс. нательных крестиков, из которых в декабре 1942 г. 30 тыс. уже были сделаны и 6, 5 тыс. отправлены¹¹⁰. Так, например, благочинный Борисовского округа в Белоруссии о. Иоанн Строк 10 октября 1942 г. выслал митрополиту Анастасию письмо, в котором благодарил за получение 1450 крестиков и 50 молитв «Отче наш». 18 января 1943 г. о. Иоанну дополнительно отправили 1 тыс. крестиков, «Великий сборник» и несколько номеров журнала «Церковная жизнь»¹¹¹.

Подобная помощь продолжалась до лета 1944 г. Епископ Смоленский и Брянский Стефан 20 марта 1944 г. написал митрополиту Анастасию из г. Борисова о получении высланных ему печатных материалов. В ответном послании от 13 апреля Первоиерарх РПЦЗ отмечал: «Я глубоко признателен Вашему Преосвященству за Ваше письмо, ибо в нынешнее время особенно важно всем каноническим епископам Российской Церкви поддерживать между собою братское общение...». Вместе с этим посланием владыке Стефану отправили еще печатные материалы и крестики¹¹².

По свидетельству епископа Григория (Граббе) всего за время войны только металлических нательных крестиков было изготовлено и отправлено в Россию, Украину и Белоруссию около 200 тысяч¹¹³. При этом надо учитывать бедственное материальное положение самой русской эмиграции, лишившейся прежней помощи со стороны югославского правительства.

В сентябре 1941 г. митрополит Анастасий дал благословение на создание в Югославии Русского охранного корпуса, в ряды которого вступили многие представители его паствы. Владыка участвовал в военных парадах корпуса, служил для него молебны, принимал благодарность от командования «за все-

¹⁰⁹ Там же. Л. 30, 33.

¹¹⁰ Церковное обозрение. 1942. № 11–12. С. 6.

¹¹¹ СА. Д. 17/41.

¹¹² Там же. Д. 15/41.

¹¹³ Григорий (Граббе), еп. Завет... С. 328.

гдашнее внимание к духовным нуждам группы» и т.д.¹¹⁴ Своей линии поддержки русских антикоммунистических воинских частей глава РПЦЗ остался верен до конца войны, что проявилось в 1944-1945 гг. в его контактах с власовским движением.

Следует отметить, что далеко не все русские эмигранты в Югославии заняли антикоммунистическую позицию. Уже в середине 1941 г. в стране был создан тайный Союз советских патриотов во главе с Ф. Висторопским, В. Лебедевым и И. Одиселидзе, в который входило около 120 человек. Они решили присоединиться к возглавляемому коммунистами партизанскому движению и к осени 1944 г. большей частью погибли. Некоторые эмигранты являлись сотрудниками разведок государств, входивших в антигитлеровскую коалицию: советской (Н.Г. Дараган, В.А. Лауданский, Е.В. Буйницкий и др.), английской (А. Альбов, генерал Романовский, Б. Ходолей), французской (Л. Неманов, М. Лунич) и американской (А. фон Эден)¹¹⁵.

Инициатор создания Русского охранного корпуса генерал М.Ф. Скородумов позднее вспоминал: «В это тяжелое время мне помогла только небольшая группа русских патриотов... часть эмиграции — так называемые «левые» и «советские патриоты» — завопила о том, что воевать с большевиками нельзя, ибо интересы Советской власти якобы совпадают с интересами России. Эту советофильскую группу возглавляли два священника: протоиерей И. Сокаль и протоиерей В. Неклюдов. Они собирали митинги за церковь Святой Троицы и уговаривали прихожан не идти в Русский корпус и не бояться коммунистов, так как «большевиков больше нет, а есть только русские люди»... Другой советофил «младоросс» Илья Толстой, внук Льва Толстого, даже напал на меня на улице и грозил убить»¹¹⁶.

Десятки русских эмигрантов сражались в рядах Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ), а некоторые даже дослужились до высоких постов. Так, например российский полковник Ф.Е. Махин руководил операциями различных частей партизан, затем стал начальником исторического отделения отдела пропаганды Верховного штаба НОАЮ и в феврале 1944 г. был удостоен звания генерал-лейтенанта. Генерал-полковником

¹¹⁴Церковная жизнь. 1942. № 10. С. 154–155, 1943. № 5. С. 73–74; Русский корпус. Нью-Йорк, 1963. С. 39–40, 115.

¹¹⁵Тимофеев А.Ю. Положение русской эмиграции... С. 47–55.

¹¹⁶Танин С.Ю. Русский Белград. М., 2009. С. 165.

стал русский инженер В. Смирнов, занявший должность начальника инженерной службы НОАЮ¹¹⁷.

Проживавший во время войны в Югославии В.А. Маевский так описал изменение настроений русской эмиграции в этой стране: «Вообще надо заметить, что лишь незначительная часть русских возгорелась «симпатиями» к немцам в надежде, что сможет поехать на восточный фронт «освободить» свою родину. Другая же часть, подавляющая, была уверена в том, что немцы идут не освобождать, а поработать и уничтожить русский народ, как «унтерменшей», и освобождать территорию для колонизации... На первых порах этим здравомыслящим пессимистам не верили и обрушивались на них. Но скоро и сторонники немцев, уверовавшие в их «добрую» волю, увидели обратную сторону немецкой медали. И разочарование усилилось, когда с восточного фронта стали прибывать участники немецкого наступления, завоевания и порабощения. Вот они и рассказали впервые, как поступает с русским населением немецкая оккупационная власть, которая открыла там свое истинное лицо... тогда пронемецкая часть русской эмиграции, пересмотрев свои недавние увлечения, сплотилась со своими более устойчивыми компатриотами. Сплотилась в пассивном отпоре оккупантам и желании победы России. Но это новое настроение немцы быстро учли, и на головы русских в Югославии посыпались новые бедствия и репрессии, аресты и казни»¹¹⁸.

Существуют свидетельства, что митрополит Анастасий в 1941–1944 гг. «оказал большую помощь и защиту Сербской Православной Церкви во время гонений на нее со стороны нацистов»¹¹⁹. Конкретных документов о размерах этой помощи пока найти не удалось. Но, во всяком случае, несомненно, что владыка сохранял теплые чувства к арестованному Патриарху и не боялся их проявлять перед оккупационными властями. По воспоминаниям епископа Григория в день «Славы» Гавриила («Слава» — родовой сербский праздник, день, когда крестился первый предок) митрополит указал Граббе сообщить германской администрации о своем желании поехать и поздравить Патриарха. После долгой и резкой дискуссии в отделении СД, ведавшем церковными делами, его начальник Мейер заявил: «Я все равно не могу разрешить митрополиту ехать к Патриарху. Но я ему передам, что он его поздравляет. А Вам советую больше ни

¹¹⁷ Голдин В.И. Роковой выбор. С. 342.

¹¹⁸ Маевский В. Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. С. 285, 287.

¹¹⁹ Константинов В.Д. Записки военного священника. СПб., 1994. С. 71.

с кем так не разговаривать, как Вы разговаривали со мной»¹²⁰. Как выяснилось уже после освобождения Патриарха, немецкий офицер передал ему поздравление митрополита Анастасия и это был единственный подобный случай за время ареста.

По некоторым свидетельствам (в частности, митрополита Скопленского Иосифа) на рубеже 1942–1943 гг. владыка Анастасий через митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде) пытался вступить за Патриарха Гавриила перед немецкими властями, убеждая освободить его из-под ареста, но без успеха¹²¹.

В свою очередь и Патриарх Гавриил уважал Первоиерарха РПЦЗ. Когда в 1945 г. он приехал после войны в Лондон крестить сына сербского короля Петра, то на приеме после крещения заявил, что «митрополит Анастасий с великой мудростью и тактом держался при немцах, был всегда лояльным к сербам, несколько раз подвергался обыскам и совершенно не пользовался доверием немцев»¹²². Это же сказал Патриарх и в беседе с протоиереем Михаилом Польским 22 октября 1945 г. В тот же день о. Михаил в письме из Лондона архиепископу Виталию (Максименко) так сообщал об этом разговоре: «Патриарх с чувством глубокой внутренней симпатии и личной дружбы говорил о митрополите Анастасии, осведомлялся о нем и его положении, рад, что он уже в Женеве и засвидетельствовал, что он с великой мудростью и тактом держался при немцах, был всегда лоялен к сербам, подвергался три-четыре раза обыскам от немцев, вызывая их недоверие. Все это уже известно из уст патриарха и другим лицам здесь и получило распространение, служа реабилитацией нашему первоиерарху после всяких недоумений, а то и клевет... В общем он подчеркивал строгость, прямоту, чистоту и твердость митрополита Анастасия»¹²³. Сведения о подобных заявлениях имеются не только в русских эмигрантских источниках. В календаре Сербской Церкви на территории США и Канады высказывание Патриарха Гавриила приведено в следующем виде: «Митрополит Анастасий продемонстрировал великую мудрость и тактическое искусство во взаимоотношениях с Германией»¹²⁴.

¹²⁰ Григорий (Граббе), *еп.* Завет... С. 331.

¹²¹ *Buchenau K.* Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwstler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011. S. 468.

¹²² Андреев И.М. Краткий обзор... С. 134.

¹²³ СА. Личное дело митрополита Анастасия (Грибановского).

¹²⁴ *Calendar of the Serbian Orthodox Church in the USA and Canada.* 1991. P. 105.

Весь период оккупации Первоиерарх РПЦЗ старался поддерживать добрые отношения с Сербской Патриархией. Так, например, когда 21 ноября 1942 г. в день св. Архангела Михаила соборный храм в Белграде и Патриархия праздновали свою «Славу», владыка Анастасий от имени Зарубежной Русской Церкви приветствовал славельщиков. И в этом же месяце в день убийства бывшего югославского короля Александра митрополит в сослужении местного духовенства совершил торжественную панихиду в русской Троицкой церкви Белграда¹²⁵.

7 января 1943 г. все три проживавших в Белграде архиерея РПЦЗ митрополит Анастасий, архиепископы Феофан и Тихон — посетили председателя Сербского Синода митрополита Иосифа и поздравили его с Рождеством Христовым. Согласно официальной информации Сербской Церкви, в ходе визита «состоялся «сердечный и искренний братский разговор», и владыке Иосифу это было «необычайно приятно»¹²⁶. 22 марта 1943 г. митрополит Анастасий в сослужении епископа Моравичского Арсения и 22 священнослужителей совершил отпевание своего друга по учебе в Московской духовной академии настоятеля белградской Свято-Савской церкви ставрофорного протоиерея Михаила Поповича¹²⁷.

Когда архимандрит Филипп (Гарднер) 3 мая 1942 г. написал из Берлина в Синодальную канцелярию, что для епархии РПЦЗ в Германии очень нужно Святое Миро, митрополит Анастасий 2 июля обратился в Сербский Синод с соответствующей просьбой, отметив, что последний раз Сербская Церковь давало Святое Миро РПЦЗ в 1937 г. Вскоре это ходатайство было выполнено, и 1 августа 1942 г. Синодальная канцелярия выслала бутылку Святого Мира в Берлин¹²⁸.

В военное время существенно укрепились связи русского духовенства с сербской националистической организацией Збор. Так, например, ранее преподававший в Призренской и Карловацкой семинариях священник Феодор Балабанов начал участвовать в работе отдела воспитания добровольцев Збора, объехав с антикоммунистическими выступлениями значительную часть Баната и создал там сеть соответствующих библиотек. Он принадлежал к юрисдикции Сербской Церкви, и Священный Синод вскоре захотел привлечь его к руководящей работе в Патриархии, однако против этого выступили Збор и Министерство образова-

¹²⁵ Церковное обозрение. 1942. № 11–12. С. 5–6.

¹²⁶ Гласник. 1943. № 2. С. 11.

¹²⁷ Церковное обозрение. 1943. № 7. С. 6.

¹²⁸ СА. Д. 24/42.

ния. В результате переговоров о. Ф. Балабанов был оставлен на прежней работе, но уже больше не оплачивался из бюджета Сербской Церкви. С 1943 г. он также преподавал Закон Божий в банатских школах, отличаясь при этом от сербских священников своей необычной активностью¹²⁹.

Когда министр образования в письме от 14 июля 1942 г. попросил Сербский Синод провести необходимое служебное расследование в отношении русских священников Тимокской епархии, Синод на заседании от 26 сентября постановил лишь запросить министерство о конкретных провинностях этих священников. 21 ноября митрополит Анастасий сообщил Сербскому Синоду, что он получил от русских священников в Косовской Митровице разъяснения об их действиях, и эта информация на заседании Синода от 15 января 1943 г. была лишь принята к сведению¹³⁰. В одном из своих писем от 29 декабря 1943 г. Г.П. Граббе отмечал, что во всех русских храмах Сербии за богослужением поминают не только архиереев РПЦЗ, но и сербских епархиальных епископов¹³¹.

Хотя порой между Русской Православной Церковью Заграницей и Сербской Патриархией возникали конфликты, они, как правило, быстро разрешались. В частности, обеспокоенность Сербской Церкви вызвало создание Средне-Европейского митрополичьего округа РПЦЗ. Решение об открытии этого округа (вопреки выработанному Архиерейским Собором 1935 г. Временному положению об РПЦЗ) и возведении его управляющего архиепископа Серафима (Ляде) в сан митрополита было принято Архиерейским Синодом 26 мая 1942 г. (в состав Синода владыку Серафима включили только 19 октября 1942 г.)¹³².

Получив это известие, председатель Синода Сербской Церкви митрополит Иосиф 3 июля 1942 г. в письме Первоиерарху РПЦЗ выразил просьбу иметь ввиду права Сербского Патриархата на Чешскую и Моравскую епархию, отметив, что сербская юрисдикция в Чехии, Словакии и Вене не должна быть повреждена в новообразованном митрополичьем округе. В ответе владыки Анастасия от 11 июля говорилось, что Архиерейский Синод РПЦЗ не рассматривает епархию чешского епископа Горазда в качестве составной части Средне-Европейского округа, и сербская юрисдикция над ней сохраняется, хотя епи-

¹²⁹ Архив Сербии (АС). ГЗ–820.

¹³⁰ АА. Inland I-D, 4795.

¹³¹ Ibid. 4742.

¹³² СА. Д. Протоколы Архиерейского Синода 28.11.1940–18.09.1946.

скоп и подчиняется временно митрополиту Берлинскому и Германскому Серафиму (Ляде)¹³³.

9 июля митрополит Анастасий в письме к владыке Серафиму предупредил его, что Сербская Церковь «несколько обеспокоена, чтобы внешние условия не отразились на ее прерогативах и, в частности, чтобы мы не присоединили окончательно к своей Церкви некоторые ее пределы, в настоящее время от нее отрезанные, в т.ч. и приходы в Словакии». В завершение письма Первоиерарх просил договориться с Синодом Сербской Церкви и «руководствоваться ее пожеланиями»¹³⁴. Между тем, накануне на заседании 8 июля Сербский Синод резко негативно оценил окормление своего прихода св. Саввы в Вене русским по национальности священником Арсением Сериным, и принял постановление назначить в этот приход протоиерея Васу Шипку, послав запрос в Архиерейский Синод РПЦЗ¹³⁵.

На соответствующие запросы митрополита Анастасия от 11 и 15 июля владыка Серафим 12 августа 1942 г. ответил обширным посланием, в котором писал: «Прежде всего, открытие и организацию Средне-Европейского Митропол[ичьего] Округа я понял, конечно, только в том смысле, что в состав этого Округа входят только приходы, находящиеся в юрисдикции Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей, но не сербские приходы. Я прекрасно понимаю, что захват мною сербских приходов только еще более осложнил бы положение нашего Архиерейского Синода. Поэтому я никогда не покушался на сербские приходы, не подчинил их моей юрисдикции. Но, признаюсь откровенно, я взял под свое покровительство: сербский приход в Вене, бывшую епархию епископа Горазда и приходы в Словакии. Но инициатива не исходила от меня, а от сербских приходов»¹³⁶.

Владыка разъяснил, что накануне начала войны между Германией и Югославией настоятель церкви св. Саввы в Вене протоиерей М. Араницкий, уезжая из города, лично посетил его и просил командировать одного из священников венской Покровской церкви РПЦЗ для обслуживания сербского храма. Кроме того, правление прихода св. Саввы (приходской совет) просило митрополита взять храм под свое покровительство, «так как недвижимое имущество этого

¹³³ Там же. Д. 24/42.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же.

¹³⁶ Там же. Д. 41/43.

прихода... находилось в опасности»¹³⁷. После получения по ходатайству владыки Серафима согласия Министерства церковных дел и городских властей Вены русский священник стал совершать богослужения в храме св. Саввы. Затем, после того, как в начале мая 1942 г. в русской церкви остался один священник (Ванчаков), и он не смог обслуживать два храма, владыка Серафим предложил правлению прихода св. Саввы пригласить проживавшего в Берлине и состоявшего в сербской юрисдикции иеромонаха Арсения (в миру Александра Серина), который в сентябре 1941 г. был вынужден оставить свой приход в с. Дреп Шабачской епархии из-за приговора к смерти местными коммунистами. Отец Арсений был приглашен правлением прихода и 5 мая назначен митрополитом в церковь св. Саввы¹³⁸.

Получив письмо Первоиерарха РПЦЗ от 15 июля с предложением передать приход о. В. Шипке, митрополит Серафим 3 августа 1942 г. освободил о. Арсения от исполнения пастырских обязанностей в храме св. Саввы и указал прекратить богослужения. Завершая описание этой истории, владыка указал: «Таким образом, это дело для меня более не существует. Я спас сербский приход в самое трудное для него время и этим, думаю, только оказал услугу Сербской Православной Церкви»¹³⁹.

В целом владыка верно изложил суть этого дела, хотя в ходатайстве Министерству церковных дел от 16 сентября 1941 г. он просил разрешения не только на окормление русским венским священником общины св. Саввы, но и на ее включение в состав Германской епархии РПЦЗ согласно просьбе приходского совета от 10 мая 1941 г. При этом архиепископ отмечал, что преобладающее большинство членов этой общины — немцы, бывшие австрийские граждане. В ответ на запрос РКМ рейхсштаттгалтер (имперский наместник) в Вене 20 февраля 1942 г. сообщил министерству, что он еще 25 сентября 1941 г. издал соответствующий указ, и РКМ 10 марта переслало этот указ владыке Серафиму¹⁴⁰.

В письме Первоиерарху РПЦЗ от 12 августа 1942 г. митрополит Серафим также сообщил, что на Чешскую и Моравскую епархию он никогда не покушался: «Инициатива в этом деле исходила от епископа Горазда, который, принимая во внимание тяжелое положение своей епархии, просил меня взять его и его епархию под мое покровительство впредь до восстановления нормальных сно-

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ Там же. Д. 24/42.

¹⁴⁰ Kyrios. Band 6 1942/43. Graz, 1969. S. 132–133.

шений с Священным Синодом Сербской Православной Церкви. Входя в чрезвычайно трудное и сложное положение епископа Горазда, я дал свое согласие. Все мое покровительство заключалось в том, что я предоставил в распоряжение епископа Горазда Святое Миро и Святые Антиминсы, в которых он нуждался, да и укрепил пошатнувшееся его положение в протекторате». Подобная ситуация была и в Словакии: «Мне кажется, что Сербский Синод должен был бы благодарить меня, а не протестовать против этой моей помощи, совершенно бескорыстной. Неужели интересы Сербской Православной Церкви пострадают вследствие того, что я временно принимаю на себя заботы о приходах, находящихся в настоящее время вне сферы влияния Сербского Архиерейского Синода и Преосвященного епископа Владимира? Ведь моя помощь только временная мера в пользу Сербской Православной Церкви»¹⁴¹.

Митрополит пояснил, что целью его деятельности было оказание братской помощи Сербской Церкви, которая в условиях войны лишена «возможности защищать интересы своих заграничных приходов», и просил владыку Анастасия «почтительнейше разъяснить» Сербскому Синоду «совершенную необоснованность его опасений, так как я далек от мысли захватить его достоинство, понимая прекрасно антиканоничность подобных поступков. Бескорыстная братская помощь не может и не должна быть истолкована в смысле захвата чужой церковной области, особенно в такое время, когда каноническая церковная власть не в состоянии управлять своими приходами и оказывать им существенную поддержку. Я полагал, да и ныне полагаю, что мой долг — делать все от меня зависящее ради спасения Православия. Неужели это преступление?...»¹⁴².

24 августа Первоиерарх РПЦЗ изложил содержание этого письма в докладе Сербскому Синоду, и в дальнейшем конфликт был улажен. На заседании Синода под председательством митрополита Иосифа от 26 сентября 1942 г. была принята к сведению информация о том, что Средне-Европейский округ РПЦЗ не включает общины, подчиненные Сербской Церкви¹⁴³.

Правда, иеромонах Арсений (Серин) далеко не сразу прекратил служение в венской церкви св. Саввы, и владыке Серафиму (Ляде) пришлось 13 ноября 1942 г. повторно написать ему об этом. В октябре 1943 г. митрополит Скопленский Иосиф в беседе с Первоиерархом РПЦЗ вновь затронул вопрос о служении

¹⁴¹СА. Д. 24/42.

¹⁴²Там же.

¹⁴³АА. Inland I-D, 4795.

о. Арсения в церкви св. Саввы, и 6 декабря того же года митрополит Анастасий написал владыке Иосифу, что в Вену еще несколько месяцев назад прибыл и принят в церкви протоиерей Васа Шипка, а о. Арсений ее покинул¹⁴⁴.

Окончание следует

Источники и литература

1. *Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. Джорданвилль, 1951.
2. Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей 1946 г. / Под ред. Г.М. Солдатова. Миннеаполис, 2003.
3. Архипастырские послания, слова и речи высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия, первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. Джорданвилль, 1956.
4. Богомудрый Архипастырь. К 20-летию представления Блаженнейшего Митрополита Анастасия // *Der Bote*. 1985. № 6. С. 12–13.
5. *Булатова Р.В.* Основатель югославской палеографической науки В.А. Мошин // *Русская эмиграция в Югославии*. С. 185—189.
6. *Вениамин (Федченков), митр.* Раскол или единство? (Материалы для решения вопроса об Американской Церкви // *Церковно-исторический вестник*. 1999. № 4–5. С. 109—129.
7. *Виталий (Максименко), архиеп.* Мотивы моей жизни. Джорданвилль, 1955.
8. *Всеволод (Филипьев), инок.* Святорусское откровение миру. Избранные статьи. Джорданвилль–М., 2005.
9. *Гавриил (Динев), архим.* Животопис на схиигумения Мария (Дохторова) // *Бялата емиграция в България*. Материали от научна конференция. София, 23 и 24 септември 1999 г. София, 2001. С. 320–329.
10. Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995.
11. Гласник. Београд. 1943. № 2, 9.

¹⁴⁴СА. Д. 24/42.

12. *Голдин В.И.* Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск, 2005.
13. *Граббе Г., протопресв.* Церковь и ее учение в жизни (Собрание сочинений). Т. 2. Монреаль, 1970.
14. *Григорий (Граббе), еп.* Завет святого патриарха. М., 1996.
15. *Емельянов Н., прот.* Представители русского зарубежья, за Христа пострадавшие // XVIII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы. Т. 1. М., 2008. С. 232.
16. Журнал Московской Патриархии. Москва. 1978. № 9.
17. Икона Божией Матери Курская-Коренная Знамение. Джорданвилль, 1995.
18. *Константинов В.Д.* Записки военного священника. СПб., 1994.
19. *Корнилов А.А.* Духовенство перемещенных лиц. Биографический словарь. Нижний Новгород, 2002.
20. *Косик В.И.* Русская Церковь в Югославии (20 – 40-е гг. XX века). М., 1999.
21. *Кускова Е.* Письмо в редакцию // Новое русское слово. 1951. 25 мая.
22. *Маевский В.А.* Русские в Югославии 1920–1945 гг. Т. 2. Нью-Йорк, 1966.
23. *Маевский В.А.* Трагедия русских в Югославии // Русская жизнь. 1946. 16 апреля.
24. *Науменко В.Г.* Великое предательство. Выдача казаков в Лиенце и других местах (1945–1947). Сборник документов и материалов. Т. 2. Нью-Йорк, 1970.
25. *Николай (Трайковский), игумен.* Русские монахи в Македонии. Скопье, 2012.
26. *Одинцов М.И.* Религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 1995.
27. Парижский наблюдатель, Париж. 1943. 16 января.
28. Православная Русь. Джорданвилл. 1947. № 5, 12, 1964. № 21, 1993. № 10–11.

29. *Протопопов М., прот.* Преосвященнейший Савва (Раевский), архиепископ Сиднейский и Австралийско-Новозеландский. 1892–1976. Мельбурн, 1999.
30. *Польский М., протопресв.* Новые мученики российские. Т. 1. Джорданвилль, 1949.
31. Русская Православная Церковь Заграницей. Т. 1. Иерусалим, 1968.
32. Русская Православная Церковь Заграницей 1918–1968. Т. 1. Иерусалим, 1968.
33. Русский корпус. Нью-Йорк, 1963.
34. Русский корпус на Балканах во время II великой войны 1941–1945 гг. Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников. Нью-Йорк, 1963.
35. Сборник избранных сочинений высокопреосвященнейшего митрополита Анастасия. Джорданвилль, 1948.
36. Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. Мадрид, 1973.
37. *Танин С.Ю.* Русский Белград. М., 2009.
38. *Тимофеев А.Ю.* Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4. С. 45–52.
39. *Троицкий С.В.* О неправде карловацкого раскола. Разбор книги прот. М. Польского «Каноническое положение Высшей церковной власти в СССР и Заграницей». Париж, 1960.
40. *Трушинович Я.А.* Русские в Югославии и Германии, 1941–1945 гг. // Новый часовой. 1994. № 2. С. 140–148.
41. Церковная жизнь. Белград. 1939. № 1–2, 9–10, 1941. № 3–12, 1942. № 1, 4, 5, 7–8, 10, 11, 12, 1943. № 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 1944. № 1, 5–6.
42. Церковное обозрение. Белград. 1941. № 4–6, 10–12, 1942. № 4–6, 7–8, 9–10, 11–12, 1943. № 1, 7, 8, 9.
43. *Черкасов-Георгиевский В.* Русский храм на чужбине. М., 2003.
44. *Якунин В.Н.* Положение и деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Самара, 2001.
45. *Vuchenaui K.* Auf russischen Spuren. Orthodoxe Antiwestler in Serbien. 1850–1945. Wiesbaden, 2011.

46. Calendar of the Serbian Orthodox Church in the USA and Canada. 1991.
47. *Georgije Pavlović*. Pod zvezdom šestokrakom. Judcuzam i slobodno-zidarstvo v prošlosti i sadašnjosti. Beograd, 1943.
48. *Mayeur J.-M.* [Hrsg.]. Die Geschichte des Christentums. Band 12. Erster und Zweiter Weltkrieg Demokratien und totalitäre Systeme (1914–1958). Freiburg–Basel–Wien, 1992.
49. *Seide G.* Verantwortung in der Diaspora, die Russische Orthodoxe Kirche im Ausland. München, 1989.
50. Kyrios. Band 6 1942/43. Graz, 1969.